

ЕЛЕНА ЛЮБОВА
РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

МОСКВА <--> ЯКУТСК

БОСС *ИЗ* ТУНДРЫ

КАК Я СПАСАЛА БОССА

От лысого кота

Елена Львова

**Босс из тундры. Как я
спасала босса от лысого кота**

<https://litres.ru/74008316>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда к тебе в душ неожиданно вламывается бородатый мужик из Якутии, жизнь перестаёт быть скучной. Особенно если он уверен, что про тебя уже всё понятно. Лысый кот Цербер ненавидит его. Параноидальный умный дом всегда действует по своему сценарию — и, конечно, не вовремя. А мне почему-то приходится учить их взаимодействовать — и не сойти с ума самой. Потому что у меня своих проблем по самые уши. И как будто этого мало — бородатый якут внезапно становится моим боссом. Тёплая романтическая комедия о том, как технологии устраивают саботаж, кот становится судьёй, а любовь появляется там, где ты меньше всего её ждёшь.

Содержание

Глава 1. Роман	4
Глава 2. Людмила	12
Глава 3. Роман	20
Глава 4. Роман	28
Глава 5 Людмила	35
Глава 6. Роман	45
Глава 7 Роман	60
Глава 8. Роман	75
Глава 9. Людмила	82
Глава 10. Людмила	91
Глава 1	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Босс из тундры. Как я спасала босса от лысого кота

Глава 1. Роман

Новогодняя Москва слепит меня хуже северного солнца. Я делаю шаг из такси и на секунду замираю, будто выхожу не на тротуар, а в чужой, слишком громкий и яркий, сон. Повсюду мигают гирлянды, из кафе льется приторная музыка, по улице снуют люди с довольными лицами и тугими пакетами из бутиков. Меня от этой суеты подташнивает.

Внутри одна четкая, суровая мысль: продержаться здесь полторы недели. Выставка, несколько неизбежных встреч с инвесторами — и домой, в тишину и простор, где все ясно и по делу.

И вот я стою в центре Москвы, у подъезда дома, который выглядит так, будто его строили не для людей, а для их понтов. Стекло, камень, охрана, металл, который блестит даже без солнца.

Я уверен: все пройдет гладко. Сюрпризы я не люблю.

— Добрый вечер, — встречает меня консьерж, и на его лице появляется выражение человека, который давно понял,

что все жильцы равны, но некоторые все-таки ровнее.

У него идеальная форма, идеальная осанка и идеальный взгляд, в котором меня измеряют не по росту и плечам, а по бренду часов. Я на секунду почти улыбаюсь: он бы очень расстроился, узнав, что часы у меня “чтобы время смотреть”, а не “чтобы всем было понятно”.

— Я... к Власову, — говорю я, и эти слова звучат, как пропускное заклинание.

Консьерж бросает взгляд на монитор, затем на меня, выдержав идеально рассчитанную паузу — достаточно долгую, чтобы напомнить: здесь пропуском служит не ключ, а правильное лицо.

- Разумеется. Квартира шестьсот тридцать четвертая. — он называет номер, проверяет что-то, и вежливо кивает. — Лифт направо.

В кармане вибрирует телефон.

Я смотрю на экран — сообщение от Марка.

“Ром, ты на месте? Пароль 3719. Не пугайся умного дома, он тебя узнает и встретит.”

«Узнает». Я ухмыляюсь про себя, представив реакцию своего алабая на подобное заявление. Мне, человеку, чей мир держится на металле, солярке и честном слове, эта техно-утопия чужда.

Изначально я планировал гостиницу, но судьба, в лице моего друга Марка, распорядилась иначе. Он внезапно возжелал «экстремального отдыха» в якутской тундре, и мы об-

менялись жильем на время поездок. Так я оказался здесь, у его дома — не ради столичного комфорта и уж точно не из любви к консьерж-сервису.

Лифт бесшумно несет меня вверх. Мысли уже вертятся вокруг завтрашних переговоров, цифр, контрактов. Здесь нельзя допустить ошибок.

Дверь в квартиру напоминает портал из футуристического фильма: гладкая панель, матовый блеск, никаких намеков на привычную жизнь. Я ввожу код на сенсорной панели. Раздается мягкий щелчок, и створка бесшумно отъезжает в сторону, словно давно ждет этого момента.

— Добро пожаловать, Роман, — раздается женский голос из квартиры.

Я замираю на пороге.

Внутри царит стерильная чистота и такая тишина, что в ушах начинает звенеть. Наша, северная тишина живая, наполненная... Эта же искусственная, напряженная.

— Добро пожаловать, Роман, — повторяет голос мягче, будто я не гость, а ребенок, который забыл снять обувь.

Я делаю шаг, закрываю дверь.

— Кто это? — спрашиваю я в пустоту.

— Я Алиса. Ваше присутствие подтверждено. Температура установлена на комфортный режим. Освещение в прихожей включено.

Я медленно опускаю сумку на пол.

— Марк, — говорю я в сторону потолка, — ты больной

человек.

— Я не Марк, — невозмутимо отвечает Алиса. — Вы хотите позвонить Марку?

— Нет.

— Хорошо.

Я прохожу дальше. Интерьер выдержан в стиле дорогой лаборатории: лаконичная мебель, стеклянные поверхности, скрытая подсветка. Пол настолько безупречен, что по нему страшно ходить. По мере моего движения в прихожей плавно загорается еще один световой луч, как будто за мной следят.

— Алиса, — говорю я, — выключи все это.

— Уточните, что именно выключить.

Я смотрю на потолок.

— Вот это... *все*.

— Я не могу выключить все. Но могу включить режим “Отдых”. Активировать?

Я выдыхаю медленно.

— Активируй.

Свет мгновенно смягчается, перейдя в теплое, приглушенное свечение. Квартира будто сдается, перестав демонстрировать свои возможности, и переходит в состояние снисходительного ожидания.

По старой, суровой привычке я начинаю обход, проверяя точки возможного отказа: краны, окна, выключатели. Кухня представляет собой царство сенсорных панелей и скрытых технологий. В Якутске у меня стоит котел, который можно

починить кувалдой и крепким словцом. Здесь же при первой неисправности придется вызывать технобога с дипломом инженера-заклинателя.

— **У вас непрочитанное сообщение от Марка, включить? - снова слышу голос Алисы.**

— **Включи**

— **Марк просил вам передать, что в квартире живет кот по кличке Цербер. С ним нужно быть осторожнее. Он... характерный. И не нужно удивляться умному дому. Он безобиден.**

Кот.

Вот это сообщение зацепило внимание. Я больше собачник, у меня дома ждет верный алабай, но к обычному коту всегда можно найти подход и потискать иногда мягкий мурчащий комок.

Я уже хочу увидеть этого кота, чтобы понять, насколько “характерный” у Марка кот. В моем мире характерный кот — это когда он требует внимания и еды. В мире Марка, подзреваю, характерный кот — это когда он подает на тебя в суд.

— Алиса, — говорю я, — где кот?

Пауза.

— Кот не зарегистрирован как пользователь.

— Он где?

— Данная информация мне недоступна.

Конечно.

Я раздраженно выдыхаю и иду в гостиную. Безупречный диван, сложенный, как в шоуруме, плед, полки с футуристичными безделушками Марка. Роботы, гаджеты, всякая футуристическая хрень, которую я не понимаю и понимать не хочу.

И в этой нарочитой тишине я слышу тонкий, но отчетливый звук. Течет вода. Я останавливаюсь. Звук идет из глубины квартиры. Из ванной.

Марк не мог оставить воду включенной. Алиса не допустила бы такой оплошности. Но вода текла. А любое отклонение от нормы — это потенциальная проблема, а проблемы я терпеть не намерен. Может, он никуда не уехал, и хочет разыграть меня?

Я иду по коридору, который тихо подсвечивается внизу так, будто квартира сама ведет меня. Дверь в ванную приоткрыта, и за ней слышен шум душа.

Я толкаю дверь и сразу понимаю, что сюрпризы я все-таки люблю. Помещение наполнено паром, в воздухе висит легкий аромат геля для душа. Стеклокаменная душевая кабина, похожая на капсулу космического корабля, немного запотела. И внутри этой капсулы, под струями воды, стоит девушка.

Она стоит спиной, запрокинув голову, и светлые, мокрые волосы струятся по ее плечам. Затем она медленно поворачивается.

Наши взгляды встречаются ровно на секунду.

Огромные глаза. Мокрые ресницы. Не Марк. Не кот. Ка-

кого черта?!

Дальше включается звук.

— А-А-А-А-А! — визжит она так, что у меня звенит в ушах.

— Стой! — говорю я громче, чем нужно. — Я... я...

За дверью начинается стремительная возня: топот босых ног, шлепки, суетливые движения. Шум воды то прекращается, то возобновляется снова, будто она не может разобраться, как это работает.

Я утыкаюсь взглядом в потолок.

— Алиса, — говорю тихо, почти спокойно, — объясни.

— Уточните запрос.

— Кто сейчас в душе?

— В душе зафиксировано использование воды.

Я закрываю глаза.

— Алиса, у тебя есть режим “сказать правду”?

— Я не понимаю вопроса.

Прежде чем я успел что-то добавить, дверь в ванную распахивается. Девчонка вылетает из облака пара, закутанная с головы до пят в огромное банное полотенце цвета слоновой кости. Ее лицо пылало румянцем от смеси ярости и нестерпимого стыда, а глаза такие, будто она сейчас или убьет меня, или расплачется, а скорее всего, сделает и то, и другое одновременно.

Сделав шаг вперед, она окончательно позволяет мне оценить ее возраст. Это не женщина, а девчонка. Совсем юная,

лет двадцати, не больше. И это осознание мгновенно переводит ситуацию из разряда нелепых в категорически неприемлемые.

— Вы кто такой?! — выпаливает она, и ее голос, дрожащий от гнева и унижения, звучит в тишине коридора как хлопок хлыста. — И откуда вы взялись?!

Глава 2. Людмила

Я обожаю технологии, которые превращают выживание в жизнь. В квартире Марка они живут, и я называю это «космосом». А сегодня мне этот космос нужен позарез...

Когда ты учишься на педагога, а вечерами танцуешь go-go, пять минут в идеальном душе — единственный способ почувствовать себя не бедной девочкой, а человеком. У Марка душ, как в кино. Подсветка меняется, вода льется дождем, музыка звучит из воздуха.

Сам Марк опять куда-то уехал, а у меня есть ключ, как говорит Марк, «на всякий случай». Марк то и дело куда-то срывается, поэтому ключ «на всякий случай» давно переехал ко мне на постоянное место жительства. Говорит, спокойнее, когда кто-то в курсе его заморочек. Я беру ключ, все, что нужно для душа, накидываю халатик и выхожу.

Дверь открывается с тихим щелчком. Внутри пахнет дорого и стерильно, как в бутике, куда я иногда заглядываю поглазеть.

— Привет, — шепчу я.

— Добро пожаловать, Мила, — мягко отвечает Алиса.

— Марк дома?

— Марк отсутствует.

Отлично.

В ванной включаю «космос»: подсветку, тропический

душ, температуру «как в Сочи». И вот оно — мое крошечное, украденное счастье. Пока вода смывает усталость, я чувствую себя человеком.

Я распускаю волосы, подставляю лицо под теплые струи и закрываю глаза.

На секунду в голове становится пусто, и это редкость.

Я думаю о бабушке. Она умерла несколько месяцев назад. Я все еще иногда ловлю себя на том, что хочу ей позвонить. Или зайти на кухню и сказать: “Ба, я пришла”. И потом понимаю — больше некуда и некому.

Я стою под душем и делаю вид, что вода смывает не только усталость, но и вот это... пустое место внутри.

Потоки небесной воды падают с потолка, массируют плечи, а пар с ароматом клубники наполняет кабину. Я на секунду позволяю себе мечтать о том, что эта капсула — мой личный космический корабль, и он уносит меня подальше от всего. От дорогой в обслуживании квартиры, оставшейся мне от бабушки, от учебников педучилища, от взглядов в клубе. Один мой «полет в космос», пока Марк не против. А Марк уехал куда-то далеко, так что сегодня можно расслабиться.

Открываю глаза, чтобы полюбоваться, как подсветка в душе меняет цвет с синего на фиолетовый. И в этот момент резко распахивается дверь.

В проеме стоит высокий, здоровенный мужик, с густой темной бородой и взглядом, от которого по спине пробегает

ледяная волна. Мой мозг отключается. Из горла вырывается дикий, неконтролируемый визг. Я инстинктивно прикрываюсь руками, хотя пар и матовое стекло немного скрывают меня.

— Стой! — его голос низкий, хриловатый, перекрывает мой крик. Он кажется не злым, а ошарашенным.

Дверь захлопывается.

Сердце колотится, как бешеное. Кто это?! Грабитель? Убийца? Я хватаю полотенце, которое висит на крючке, и пытаюсь одновременно прикрываться, умереть, не поскользнуться.

Потому что поскользнуться голой в чужом душе с бородатым мужиком за дверь — это вообще эпично.

Гнев и дикий стыд кипят во мне. Мое святилище! Мое единственное спасение!

Я судорожно выключаю воду — не туда, конечно, у Марка все не как у людей. Сначала включается еще один режим, потом музыка, потом подсветка начинает мигать.

— Да выключись ты! — шепчу я злым шепотом.

И наконец вода прекращается. Я по инерции хватаю полотенце Марка, потом верну. Наверное. Я заворачиваюсь в него так, что сама себе напоминаю рулет из лаваша, и выхожу в коридор.

Он стоит там, спиной к ванной, как будто боится повернуться и снова увидеть меня. Но при этом весь напряженный, будто сейчас ему придется принимать решение: бежать

или сражаться.

Я делаю шаг.

— Вы кто такой?! — выпаливаю я. Голос дрожит от злости и стыда одновременно. — И откуда вы взялись?!

— Я Роман, — говорит он просто, без «извините» и «не подумал». Говорит, будто докладывает. — Друг Марка. Я из Якутска.

Я окидываю его взглядом с ног до головы. Он похож на медведя в дорогой футболке. В голове, помимо воли, всплывают картинки из школьного учебника географии.

— Из тундры, что ли? Чукча?

Он медленно, очень медленно моргает. В его взгляде появляется тень того самого терпения, с которым, наверное, объясняют детям, что Дед Мороз — это просто папа в костюме.

— Почему чукча?

— А разве в тундре не чукчи живут? — честно интересуюсь я.

Он проводит ладонью по лицу, и кажется, я слышу, как скрипят его замороженные мозги.

— В Якутии живет много народов, — говорит он с подчеркнутой четкостью. — Но я родился в Кемерово. А теперь ваша очередь. Что вы тут делаете?

Вопрос поставлен ребром.

— Я живу в соседней квартире, — отвечаю я, поднимая подбородок. — И у меня есть ключ, на всякий случай.

Он оглядывает меня с ног до головы — завернутую в полотенце, с мокрыми прядями, падающими на лицо.

— И этот «всякий случай», видимо, наступил?

От его сарказма щеки пылают еще сильнее.

— Вы видели, какой у Марка душ? — не выдерживаю я.

— Это же как полет в космос. Мне Марк разрешает!

На его лице появляется странное выражение, что-то между недоумением и едва уловимой усмешкой.

— Интересные у вас отношения, — произносит он нарочито нейтрально.

— Нет у нас никаких отношений! — взрываюсь я, чувствуя, как краснею до корней волос. — И не волнуйтесь, я вас больше не побеспокою!

Я вздергиваю нос и делаю самый гордый шаг к выходу, какой только можно сделать, будучи закутанной в чужое банное полотенце.

И тут сзади раздается его голос. Низкий, без особых интонаций, констатирующий факт:

— Вы меня не побеспокоили. Вы меня... ослепили. Но больше так не делайте.

Я замираю. Кровь бьет в висках. Это что, комплимент? Или констатация? Или что-то третье, чему нет названия?

В этот момент из ниоткуда раздается сладкий, миролюбивый голос Алисы:

— По запросу «не беспокоить» активирую режим «Полная приватность». Освещение и звук будут...

— Алиса, стоп! — рывкаю я в пространство, обернувшись.

— Не надо ничего активировать!

Я вижу, как его губы на секунду дрогнули. Кажется, это была улыбка, или судорога. С этой бородой не разберешь.

— Все! — объявляю я всему миру и этому бородатому чукче в частности. — Я ухожу.

Я выскакиваю из квартиры и хлопаю дверь. В ушах стучит: «Напыщенный чукча с отмороженными мозгами!».

Дома я захлопываю свою дверь и прислоняюсь к ней спиной. Сердце колотится, будто я только что пробежала марафон, а не помылась.

Я смотрю на полотенце, в которое все еще завернута, и смеюсь тихо — не потому, что смешно, а потому что иначе хочется разреветься.

Мила, ты гений. У меня подрагивают пальцы, когда я снимаю полотенце и иду в свою простенькую ванную.

«Вы меня... ослепили...» — эхом звучит в голове. Наливаю чайник, пытаюсь отогнать мысли. Сегодня выходной. Буду просто лежать, читать книжку. Или, может, учебник открыть... скоро сессия, а я с работой в клубе все забросила.

И тут, как назло, звонит телефон. Смотрю на экран, и весь мой хрупкий покой рассыпается.

Нет. Ну че, опять?!

«СТАС» — горит на дисплее. Мой «начальник», хозяин клуба, где я танцую go-go.

С глубокой неохотой беру трубку.

— Мила! — его голос жирный, довольный. — Собирайся, красавица. Есть VIP-заказ. Машина за тобой уже выехала.

— Стас, у меня выходной, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И мы договаривались, что все VIP — без меня.

На той стороне короткая опасная пауза.

— Я не понял, — его тон становится шелковым, ядовитым. — Тебе деньги не нужны?

А мне нужны деньги. Очень нужны. За учебу, за эту квартиру, за жизнь, которую бабушка хотела для меня другой. Ком в горле.

— Стас! Деньги тут ни при чем! Я не поеду ни на какой VIP-заказ. И точка.

Тишина. Потом ледяной, отчеканенный голос:

— На хрена я тебя тогда держу? Уволю к чертовой матери! Собирайся! Машина уже выехала, у тебя пять минут. И никаких разговоров!

Щелчок. Стас бросил трубку.

В горле пересохло. Руки слегка трясутся. Наливаю стакан воды, залпом выпиваю. Мало. Наливаю второй, и в этот момент в дверь раздается резкий, наглый стук. Раз-два-три! Как в полицейских сериалах.

Сердце проваливается в пятки, а по спине растекается липкий холод. Это они.

Но потом внутри что-то щелкает. Нет. Хватит. Хватит бояться! Бабушка говорила: «Наглость — второе счастье, Мил-

ка. А первое — дать сдачи».

Я сжимаю стакан в руке, делаю глубокий вдох, распахиваю дверь, и выплескиваю всю холодную воду из стакана прямо в лицо человеку на пороге.

Вода бьет ему в лоб, стекает по носу, по щекам... по бороде. Он моргает, ошеломленный. И только сейчас, когда адреналин чуть отступает, мое сознание легонько стучится.

Это не Стасов прихвостень.

Передо мной, весь мокрый и с абсолютно каменным лицом, из которого медленно стекает вода, стоит Роман из Тундры.

Глава 3. Роман

Между душевой кабиной и умным унитазом, который наверняка умеет ставить диагноз, я нахожу пакет. Из него торчит уголок розового полотенца и бутылка ягодного геля для душа. Девчонка забыла. Отлично, теперь у меня есть железный повод выяснить, как ее зовут и вернуть это, и окончательно поставить точку в этой нелепой истории.

Пальцы сами сжимают ручки, пакет шуршит, как будто пытается оправдаться. Я выхожу в коридор и чувствую, как под ногами мягко загорается подсветка — умный дом ведет меня, как клиента в дорогом магазине. Хочется сказать вслух: «Я сам дорогу найду», но не хочется спорить с потолком.

У двери соседней квартиры я на секунду задерживаюсь, перехватываю пакет другой рукой и стучу. Звук выходит глухим и уверенным.

За дверью тишина. Потом слышу быстрые шаги, и вдруг дверь распаивается так резко, что воздух на площадке становится холоднее.

Я успеваю увидеть только ее огромные глаза, с нервным блеском и стакан в ее руке.

В следующее мгновение вода бьет мне в лицо ледяной ладонью.

Она не летит, она хлопает по мне, как пощечина. По под-

бородку, по бороде, по груди. Капли стекают под воротник, футболка мгновенно липнет к коже, и по спине, будто на Севере, пробегает короткая морозная дрожь. Я стою на пороге с пакетом в руке, и с меня капает.

Рефлекторно сглатываю. Сердце на секунду замирает, потом бьется с такой силой, что отдается в висках. Адреналин, чистый и бесполезный, растекается по жилам. Мое лицо остается неподвижным, только ресницы тяжелеют от воды, а в глазах мелькает одно короткое «не понял».

— Упс... — выдыхает она, и в голосе сразу слышно: хотела быть смелой, а получилось... как получилось.

Я медленно провожу ладонью по лицу, отжимаю бороду.

— Не ожидал такой... жаркий прием, — говорю я ровно, не повышая голоса.

Девчонка замирает в дверях, прижимая к груди стакан, словно он единственное оружие против этого мира. Потом взгляд падает на пакет, и ее лицо смягчается сразу на несколько оттенков.

— Я думала... это... — она давится словами, кашляет, будто пытается проглотить собственную смелость. — Меня Мила зовут.

— Вот и познакомились, — протягиваю ей промокший пакет. — Вы забыли.

Она смотрит на пакет, и в этот момент раздается тихий, но четкий *пинглифта*.

Двери открываются. Мила меняется в лице. Она вздраги-

вает и мгновенно превращается из разъяренного котенка в мышь. Дыхание сбивается, я слышу ее резкий всхлип.

Подходят двое в спортивных костюмах. Лица пустые, движения уверенные, как у людей, которые привыкли приходить без приглашения.

— Мила, машина ждет. Не задерживай.

И тут новая метаморфоза. Девушка превращается в испуганного зверька. В глазах страх, который я видел у молодых оленят, почуявших волка.

Мое тело действует без команды. Я делаю шаг вперед и становлюсь живым барьером между Милой и парнями. С моей мокрой футболки капает на пол. Я воплощение нелепости и угрозы одновременно.

— Девушка никуда не поедет. Она занята.

Первый парень ерзает с ноги на ногу, смотрит на меня.

— Мужик, ты бы не лез...

— Не видите, девушка со мной, — перебиваю я, не повышая тона. Говорю так, будто отчитываю подрядчика за плохо уложенный асфальт. — Лезете вы. Девушка не поедет.

Они смотрят. Оценивают ширину плеч, мокрую, но явно не дешевую ткань, абсолютную, ледяную уверенность в том, что я здесь главный. У них в глазах идет расчет, и итог явно не в их пользу.

Второй бросает, глядя поверх моего плеча на Милу:

— Стас не любит, когда его кидают.

Мила вздрагивает.

Они отступают обратно в лифт и уезжают вниз.

И тут ее острые и цепкие пальцы, вырывают пакет. Прикосновение обжигающее.

— Я не просила вас вмешиваться, — ее голос снова стальной, но в нем слышна дрожь. От злости. На меня? На себя?

— Мне показалось, вы не очень хотели ехать с этими персонажами.

Она открывает рот, закрывает, сжимает зубы. Аргумент простой, против него не побрыкаешься.

— Вам показалось, — она забивает каждое слово, как гвоздь. — Спасибо за пакет.

Дверь захлопывается у меня перед носом. Я стою в коридоре, с меня капает на дорогой паркет. За дверью полная тишина.

Интересная девица. И во что-то вляпалась. По ее глазам видно: щенок загнан в угол. Загнанные щенки либо скулят, либо кусаются. Эта кусается

А этот Стас... звучит как имя для вредной собаки. Смешно.

Я возвращаюсь в квартиру Марка. Дверь закрывается за мной, отсекая сумасшествие коридора, но внутри меня поджидает иное, не менее яркое безумие.

На холодном кафельном полу, под мягким светом «гостевого режима», сидит... существо. Сначала мозг отказывается его идентифицировать. Это не кот. Это набросок кота, сделанный художником, который видел млекопитающих

только на картинках в учебнике биологии и был при этом в глубокой депрессии. Лысая, розовато-серая кожа в мелких складках, огромные уши-локаторы, а глаза... большие, влажные, зеленые глаза смотрят на меня с таким беспросветным, вселенским презрением, будто я не человек, а случайно занесенная на подошве гадость.

Я замираю, и существо замирает. Мы оцениваем друг друга. Я ждал пушистый комочек, мурлыкающий у камина, а получил Добби после химиотерапии. Здравствуй, Москва.

— Привет, — говорю я на выдохе, и мой голос звучит неестественно громко в этой стерильной тишине. — Ты, должно быть, Цербер.

Существо, не меняя позы, издает звук, средний между сипением и фырканьем. Затем, с театральной медлительностью, поднимается. Его движения лишены кошачьей грации — они угловатые, почти механические. Оно выгибает спину дугой, будто его подключили к электричеству, и встает на все четыре растопыренные лапы, напоминая то ли готическую арку, то ли взъерошенную курицу. Его голый хвост подрагивает, как антенна, сканирующая пространство.

Я непроизвольно втягиваю живот и расправляю плечи, потому что тело само выбирает «собраться».

«Сегодня я, бесспорно, победитель в номинации «Встреча года», — думаю я, чувствуя, как усталая усмешка тянет уголки губ. — Сначала обнаженная русалка, затем водные процедуры на пороге, теперь вот... лысый страж преисподней.

И все тут мне несказанно рады. Марк, твое чувство юмора достойно отдельного исследования».

Я делаю осторожный шаг вперед, намереваясь просто пройти к спальне и наконец переодеться. Это было ошибкой.

Цербер воспринимает движение как объявление войны. Он совершает стремительный, невероятно нелепый бросок под меня, протискиваясь между ног, и тут же разворачивается, чтобы атаковать уже с тыла. Я инстинктивно отпрыгиваю, поскальзываясь на мокром следе от своих же кроссовок и с глухим стуком приземляюсь одним коленом на пол.

В этот момент просыпается дом.

— Обнаружено падение! — тревожно и сладко сообщает Алиса, и по всему периметру потолка вспыхивает аварийное красное освещение, превращая прихожую в салон НЛО. — Активирую экстренный вызов? Вы ранены?

— Нет! — рывкаю я в пустоту, пытаюсь подняться, но Цербер, воодушевленный световым шоу, решает, что это его звездный час. Он с диким, сильным криком запрыгивает мне на спину, цепляясь голыми лапами за мокрую футболку.

— Объект «Цербер» проявляет гиперактивность, — констатирует Алиса. — Активирую режим «Утомление»: запускаю протокол «Лазерная точка».

Из проектора под потолком на пол выскакивает ярко-красная точка. Цербер замирает, его огромные глаза загнипнотизированы. Все его существо теперь сосредоточено на этой точке, которая начинает совершать хаотичные, замыс-

ловатые зигзаги по комнате. Кот сразу забывает про меня. Он с диким азартом, поскальзываясь на паркете голыми лапами, носится за неуловимой добычей, временами подпрыгивая и с грохотом приземляясь на диван.

Я поднимаюсь и наблюдаю за этим спектаклем: «Умный дом развлекает лысого кота, пока мокрый якутский гость пытается осмыслить свою жизнь». На моих глазах высокие технологии опускаются до уровня самой примитивной кошачьей игрушки, и делают это с убийственной эффективностью.

— Алиса, — говорю я, когда Цербер, запыхавшись, наконец заваливается на бок, следя за точкой уже только глазами. — Хватит. Стоп.

Точка гаснет. В комнате воцаряется тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием кота. Он лежит на боку, но его хвост еще подрагивает. Кот смотрит на меня, и в его взгляде уже нет прежней ненависти. Есть усталость, удовлетворение от игры и что-то вроде... признания? Мол, не так уж ты и плох, раз в твоём присутствии включают такие интересные штуки.

Я прохожу мимо него в спальню, и он даже не шевелится, только следит за мной взглядом. Первый раунд, похоже, закончился ничьей. Но я-то знаю, что победила техника. И, возможно, этот лысый тролль это тоже понимает. Мы оба были развлечением для системы. Хорошо хоть, что не одновременно.

Москва. Здесь даже кота дрессируют потолок.

Глава 4. Роман

Утро выдалось насыщенным, и, наконец, я могу выдохнуть. Очень хочется есть. Я иду на кухню в надежде найти что-то существенное в холодильнике, но он встречает совсем не гостеприимно. Внутри только бутылка минералки и что-то в вакуумной упаковке с китайскими иероглифами. Марк, конечно, эстет.

— Холодильник пуст, — констатирую вслух.

— Обнаружена нехватка продуктов, — мгновенно отзывается Алиса. — Предлагаю воспользоваться сервисом доставки. Заказать стандартный набор от Марка «Оптимум»?

«Оптимум» звучит как питательная смесь для астронавтов. Мне же нужно просто мясо.

— Заказать... мясо. Просто свинину на гриле. И овощи. «И хлеб», — говорю я, уже предчувствуя диалог с ботом о сортах хлебобулочных изделий. Но Алиса молча принимает заказ. Через полчаса у двери появляется пакет, и в нем почти всё как просил. Только хлеб оказывается безглютеновым, «ремесленным» и с таким количеством семян, будто его собирали вручную по всему МКАДу. Я смотрю на него, потом на мясо, и молча признаю: странно, но эффективно.

После обеда иду в кабинет и спрашиваю у потолка:

— Есть сценарий «Работа»?

— Активирую «Фокус на работе», — отвечает голос, и

свет в кабинете становится холоднее и ярче, а на окнах электронные жалюзи опускаются, отсекая спящий город. Тишина. Я погружаюсь в цифры, контракты, расчеты по «АрктикАгро». Мир снова обретает четкие, жесткие границы.

К вечеру, когда я заканчиваю с последним файлом, тишину нарушает звонкое ДЗЫНЬ за дверью и сразу бодрый голос Алисы:

— Обнаружено падение предметов. Включаю режим уборки.

А потом начинается громкое жужжание и сиплый, яростный крик. Я вздыхаю и выхожу в гостиную. Мне кажется, что я сплю и это не просто сон, это сюрреализм какой-то.

Робот-пылесос, похожий на летающую тарелку, с тупым упорством пытается проехать под диваном. А Цербер, этот лысый демон преисподней, атакует его. Он бьет его лапой, отскакивает, шипит, запрыгивает сверху. Но пылесос, не обращая внимания, продолжает движение, и кот съезжает с него, как с непокорного быка. Это война на истощение между роботом и троллем. Я просто смотрю, потеряв дар речи. Внезапно соображаю, что это можно снять и выиграть какой-нибудь приз за самый абсурдный день.

— Алиса, — говорю я глухо. — Останови работа.

— Для остановки работа требуется кодовое слово, — отвечает она.

— Какое кодовое слово?

— Кодовое слово установлено владельцем.

Я медленно выдыхаю, пытаюсь сдержать гнев.

— Алиса, позвони Марку.

— Вы хотите позвонить Марку?

— Да, черт возьми!

Пауза. Секунда. Вторая. В это время кот гонит робота под диван, а робот, пищит и пытается выехать обратно.

— Абонент временно недоступен, — сообщает Алиса.

Я чувствую, как поднимается горячее и опасное раздражение, а внутри, наоборот, становится ледяно. Плечи каменеют, челюсть сводит, ладонь зудит так, будто ей жизненно необходимо найти рубильник и выключить к чёрту всю эту цивилизацию. Первое желание — выкинуть пылесос в окно, второе — выкинуть вместе с ним кота, третье...

Мои мысли прерывает стук. Негромкий, но настойчивый.

Открываю, на пороге стоит Мила. В простых джинсах и объёмном свитере, волосы собраны в небрежный хвост. Выглядит... обычной, уставшей студенткой. Ничего от той взъерошенной русалки в полотенце.

— Я... можно? — начинает она тихо, и в голосе слышится что-то важное, собранное через силу.

Но её взгляд скользит за мою спину, в эпицентр сражения. Уголки губ дёргаются. Она пытается сдержать улыбку, но не выходит — глаза светятся смехом.

— У вас тут... не скучно.

— Стандартный вечер четверга, — парирую я. — Хотите присоединиться?

Она кивает и заходит. Смотрит на кота, который, завидев ее, на секунду отвлекается от пылесоса и издает звук, похожий на скрип несмазанной двери.

— Он просто не любит, когда шумят, — говорит Мила, как о старом знакомом. — И ему холодно.

— Холодно? В квартире плюс двадцать четыре.

— Он лысый, — она произносит это так, будто объясняет ребенку азы мироздания. — У него нет шерсти. Он мерзнет и злится.

Мила подходит к пылесосу, находит на его корпусе почти невидимую сенсорную панель и одним касанием выключает. Жужжание стихает. Затем садится на корточки перед Цербером. Тот, внезапно лишенный врага, замирает. Она чешет ему за ухом, в каком-то одном, точно известном ей месте. Кот закатывает глаза, его тело обмякает, и через секунду он уже лежит на боку, издавая звук, похожий на работу крошечного двигателя внутреннего сгорания.

Я смотрю на это чудо. За тридцать секунд она сделала то, с чем не справились умный дом и я вместе взятые.

— Впечатляет, — признаю я искренне.

Мы стоим в тишине, прерванной только мурчанием кота. Неловкость.

— Ему действительно холодно, — снова говорит Мила, прерывая неловкую паузу. — Его нужно одеть.

Мой мозг на секунду отказывается обрабатывать информацию.

— Простите, что?

— Одеть. У него же есть свой гардероб.

Она, не дожидаясь ответа, идет в коридор и открывает узкую, почти невидимую в стене дверцу, которую я принял за электрощиток. Внутри маленький шкаф. И в нем... висит одежда. Крошечные вязаные свитера, жилетки, даже что-то похожее на шелковый халатик.

Я чувствую, как реальность окончательно и бесповоротно дает трещину. Я стоял лицом к лицу с разъяренным бурым медведем, вел переговоры с самыми жесткими людьми в отрасли, но крошечный гардероб для лысого кота — это перебор.

— Марк с жиру бесится, — произношу я вслух свое единственное логичное заключение.

Мила лишь пожимает плечами, выбирая темно-синий свитерок с оленем.

— Он же мерзнет. Смотрите.

Она берет сонного Цербера на руки, и тот даже не протестует. Ловко, с одной руки, натягивает на него свитер. Кот в свитере с оленем. Это зрелище вышибает из меня последние остатки здравого смысла. Цербер выглядит одновременно нелепо и... удовлетворенно. Он тычется мокрым носом в ладонь Милы.

— Вот видите, — говорит она, и в ее голосе слышится мягкость, которой я раньше не замечал.

— Теперь он будет спокоен. И пылесос не тронет.

Я могу только молча кивать. Москва. Квартира друга. Лысый кот в свитере. Девушка-соседка, которую преследует клубный владелец. И мои инвесторы, которые ждут от меня трезвых решений.

Лицо девушки снова становится серьезным.

— Я пришла извиниться... И предупредить. Этот Стас... он не отстанет просто так. Он уже знает, что вы вмешались, и ему это не понравится. У него в клубах и охране вечно “знакомые”, он любит решать вопросы чужими руками.

— Предупреждение принято, — киваю я, мысленно уже составляя план действий. — Но это моя зона ответственности.

Мы стоим в тишине, под аккомпанемент кошачьего мурчания. В воздухе снова повисла неловкость, которую нужно чем-то заполнить.

— Чаю? — спрашиваю я неожиданно для себя. — Кажется, у Марка всегда есть огромный выбор чая на все случаи жизни.

Она смущенно улыбается.

— Давайте. И я... я вам сейчас все покажу.

Через пять минут мы сидим на противоположных концах огромного дивана, между нами, как живой барьер, мирно посапывает Цербер в своем дурацком свитере. Мила налила по моей просьбе черный чай с чем-то хвойным, без цветочных изысков. Она осторожно прихлебывает из фарфоровой чашки, которая в ее руках кажется огромной.

— Спасибо, что... встали между, — тихо говорит она, не глядя на меня.

— Не за что. Мне тоже эти визитеры были неприятны, — отвечаю я.

Мы пьем чай, разговор возникает сам собой — о безумии умного дома, об упрямстве кота, о том, как странно, что Москва никогда не спит. Она не лезет в мои дела, я не спрашиваю о ее. Это приятное завершение безумного дня.

— Завтра рано вставать, — наконец говорит она, ставя пустую чашку. — На учебу.

Я провожаю ее до двери.

— Мила, — останавливаю уже в дверях. Она вопросительно поднимает бровь. — Если этот Стас снова объявится, не геройствуйте, обращайтесь.

Она смотрит на меня, и в ее глазах целая буря: недоверие, надежда, усталость, упрямство.

— Постараюсь, — произносит она, и скрывается за дверью своей квартиры.

— Напоминаю: завтра в 08:30 выезд на выставку, — сообщает Алиса в пустоту, и я вдруг вспоминаю, что меня ждут инвесторы, а я только что смотрел, как кот примеряет свитер с оленем.

Глава 5 Людмила

Просыпаюсь от будильника. Противный звук режет ухо. Нужно собираться в училище. Потягиваюсь, и первое, что всплывает в голове — не Стас, не зачет по педагогике, а... борода. Каменное лицо, с которого стекает вода. И кот в дурацком свитере с оленем.

Я ловлю себя на улыбке еще до того, как успеваю себя остановить. Щеки сразу становятся теплыми, а внутри легкая, противная дрожь, смесь стыда и какой-то приятности. Черт. Это вообще не входило в мои планы. Планы очень простые: выжить, окончить училище, найти обеспеченного и непьющего мужа, а не улыбаться по утрам бородатым мужикам, которые путают все карты одним своим спокойным «не геройствуйте».

Быстро собираюсь на учебу и выхожу из квартиры, и ноги сами несут меня к его двери. Останавливаюсь, прислушиваюсь. Тишина. Сердце почему-то колотится, как бешеное. Мысль приходит молниеносно. Быстро, пока не передумала, снимаю с руки самодельный браслет из бисера и наматываю его на ручку двери. Улыбаюсь и почти бегом мчусь к лифту, чувствуя, как по спине бегут мурашки: а вдруг дверь сейчас откроется?

По дороге в институт в голове включается три параллельных трека, как в плохо настроенном радио.

Трек первый (назойливый): как бы не думать о Романе. Бесполезно. Мозг тут же услужливо подкидывает: «А интересно, как он смотрит, когда по-настоящему смеется? Наверное, щурится, и борода шевелится...» Прикол. Мысленно шлепаю себя по рукам. Хватит.

Трек второй (тревожный): как бы не думать о Стасе. Тоже не получается. Пальцы сами нервно сжимают телефон в кармане.

Трек третий (деловой): как бы сдать эту чертову методику преподавания, на которую я забила все последние недели.

В аудитории пахнет мелом, дешевым кофе и усталостью. Лера, моя подруга, уже сидит на задней парте и строчит что-то в тетрадь с таким видом, будто разгадывает шифр мифического роздания, а не конспектирует лекцию о возрастных особенностях дошкольников.

— О, привет! — бросает она, увидев меня. — Я уж думала, ты не явишься сегодня. Может, тебя Стас на гастроли в Сочи увез.

— Очень смешно, — бросаю сумку на стол и падаю на стул рядом.

Лера прищуривается, как сыщик. Она у нас главный эксперт по мужчинам, хотя сама встречается с одним и тем же парнем с десятого класса.

— Ты чего такая... довольная? — тычет меня пальцем в плечо. — Небось, клиент попался богатый. И... ладно, мол-

чу.

— Лера! — обрываю я, чувствуя, как щеки выдают меня с потрохами. — Да просто выпалась. И в душ свой любимый космический сходила.

Она смотрит на меня так, будто я скрываю какую-то вселенскую тайну.

— Ты чего не договариваешь мне? — прищуривается Лера. — Ладно, не тяни, колись. Это твой Стас? Опять душу выматывает?

Трек номер два в голове включает громкость на максимум.

— Пока тихо, — говорю и верчу в руках ручку. — Но это затишье. Он не простит, что я вчера не поехала. И что... что меня прикрыли.

— Прикрыли? Кто? — у Леры загораются глаза.

— Сосед. Который поселился в квартире Марка на время.

— Опа! — Лера присвистывает. — Сосед нарисовался. Солидный?

— Как скала. И, кажется, безумный. Но... да, солидный.

Из Тундры.

— Чукча что-ли? — глаза Леры лезут на лоб.

- Почему чукча? В Тундре много народов живет. — со знанием дела парирую я.

- Для Стаса это не важно, по-любому. Берегись, — ее голос становится серьезнее. — Стас не любит, когда вмешиваются. Что думаешь делать? Так и продолжаешь косить от

ВИПов?

— Пока да, но с каждым разом все сложнее. Он или штрафы выписывать начнет, или уволит. Или...

Или что-то хуже. Мы обе это понимаем, но не договариваем.

— Брось ты это дно, — говорит Лера, понижая голос. — Возьми репетиторство. Или в кафе на выходные. Или хоть мерч на концертах раздавай. Говорят, платят норм.

— Это все не сегодня, Лер, — вздыхаю я. — А коммуналка, еда и зачеты — сегодня. Мне нужно держаться. Хотя бы до сессии.

Звучит это бодро, но внутри все сжимается в холодный комок.

И тут, в самый неподходящий момент, прорывается тот самый, назойливый трек номер один. Мысль, от которой я отмахивалась весь день: «А Роман бы... наверное, просто взял и разрулил. Сказал бы пару слов этому Стасу своим ледяным тоном, и все бы рассосалось». И тут же внутренний щелчок, от которого даже вздрагиваю. Нет. Я не прицеп, чтобы меня таскали на фаркопе и решали за меня проблемы. Я так не хочу, бабушке бы не понравилось.

Но где-то очень глубоко, под слоем страха и упрямства, поселилось новое, странное чувство. Маленькая теплая уверенность, что за стеной есть кто-то большой и спокойный. И от этой мысли тепло разливается по всему телу.

Вечером, как обычно, не хватает времени на сборы. Я за-

кидываю в сумку все в кучу: конспекты, ручка, памятка, блестящее мини, чулки-сеточка, туфли на шпильке и косметичка, в которой достаточно блессток, чтобы ослепить роту солдат. Две Милы в одной сумке.

Наношу последний слой туши, делаю лицо безразличным и твердым.

— Никаких VIP, — говорю своему отражению четко и вслух. — Потанцевать и уйти. Все.

Живот скручивает от тревоги, но я расправляю плечи. Я справлюсь.

В такси телефон снова вибрирует. Сообщение от Стаса.

«Милая, надеюсь, что ты в порядке. Сегодня твоя смена. Я тебя жду. У нас с тобой есть о чем поговорить. Без лишних свидетелей. По-хорошему.»

Текст гладкий, как шелковая петля. От него холодеют пальцы, и я заставляю их разжать телефон. Стираю с лица все: и страх, и злость, и глупую утреннюю улыбку.

Такси останавливается у черного входа клуба «Эпицентр». Музыка бьет оттуда тяжелым басом, от которого дрожит асфальт. Я делаю глубокий вдох, поправляю сумку на плече и открываю дверь.

Порог клуба всегда ощущается как граница между мирами. Сейчас он кажется линией фронта. Сделаю шаг — и тихий, хрупкий мир с котом в свитере и бородатым соседом останется там, снаружи. А здесь, в гуле басов и слепящем свете софитов, меня ждет Стас. И его «разговор по-хороше-

му».

Я переступаю порог. Теплый, густой воздух, пропахший алкоголем, духами и потом, обволакивает меня, как вторая кожа. Вахтер у входа кивает: «Проходи, Мил, тебя ждут». Его взгляд говорит больше, чем слова.

«Ждут» во множественном числе. Я медленно иду по темному коридору к гримерке, и с каждым шагом холод в груди нарастает. Дверь в нашу общую комнату приоткрыта. Оттуда доносится не только привычный девичий гомон, но и низкий, уверенный мужской смех. Не тот, что я себе сегодня утром представляла. Это смех Стаса. И, кажется, он не один.

Со Стасом двое его «коллег» в том же спортивном стиле, что и вчерашние визитеры. Они не выглядят агрессивно, просто присутствуют, создавая давление массой. Стас сидит на стуле посреди комнаты, развалившись, как хозяин, а девушки-танцовщицы забились по углам, тихо перешептываясь.

Гримерка вымерла. Девчонки, стреляя в меня испуганными взглядами, поспешно ретируются на сцену или в туалет. Остаюсь я, Стас и две его молчаливых тени в спортивных костюмах. Они молча, спокойно и без лишних движений перекрывают выход.

Стас сидит на моем табурете перед зеркалом, развалившись, как хозяин. Он лениво крутит в пальцах мою кисточку для румян.

— Ну что, птичка, — начинает он, не глядя на меня.

Его голос звучит сладко, как испорченный мед. — Обсудим вчерашний казус? Твой импровизированный телохранитель, мокрый, как болотная псина, очень рассмешил моих парней. И огорчил одного очень уважаемого гостя. Он ждал тебя, знаешь ли. А ты... не приехала.

В горле встает ком. Я заставляю себя выпрямиться.

— У меня был выходной, Стас. И про VIP вызовы мы договаривались.

— Договаривались, — он кивает, наконец подняв на меня глаза. В них нет злости, только холодная, бухгалтерская расчетливость. — Но из-за твоего... характера, сорвалась важная встреча. Потеря денег, репутации. Я, конечно, покрою убытки из своего кармана. Не переживай. Но формально, по внутреннему балансу, это твой долг.

Мои ладони становятся ледяными и влажными. Я сжимаю их в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу.

— Какой долг? — мой голос звучит, слабее, чем я хотела.

— Не такой уж и большой, — он машет рукой, как будто отмахиваясь от пустяка. — Есть способ его отработать. Быстро. И даже, я уверен, приятно. Сегодня. Один раз — и мы в расчете.

Он встает и делает шаг ко мне. От него пахнет дорогим парфюмом и чем-то металлическим, холодным. Я инстинктивно отступаю, упершись спиной в стойку с костюмами.

— Я не... я не буду этого делать, — выдыхаю я.

— Не будешь? — он приподнимает бровь, притворно

изображает удивление. — А кто тогда будет платить за твою учебу, Мила? За ту квартиру, которую ты еле тянешь? Я ведь знаю все. Я же о тебе забочусь. Ты думаешь, другие места будут терпеть такие выходки? Один раз. Это же не насилие, птичка. Это бизнес.

Его слова обвивают, как липкие нити, лишая воздуха. Я понимаю, что выиграть спор не смогу. Можно только тянуть время.

— Мне... мне нужно на смену. Я опаздываю на выход.

Стас медлит, изучая мое лицо. Потом снисходительно кивает.

— Ладно. Сделай свой выход. А после перерыв. Мы встретимся в VIP-зале. Комната «Амбер». Не заставляй ждать.

Этот выход становится кошмаром. Я двигаюсь на автопилоте, чувствуя на себе не рассеянные взгляды зала, а прицельный, тяжелый взгляд из-за стойки бара. Там сидит «уважаемый гость» — мужчина лет пятидесяти, в идеальном костюме и с внимательными, пустыми глазами хищника. Он смотрит на меня, как на лот на аукционе, уже заранее считая своим.

Музыка гремит, свет слепит, а у меня внутри все сжимается в один твердый, испуганный комок. И только одна мысль стучит в висках: «надо что-то делать»

В перерыве я пытаюсь проскользнуть к черному ходу. Нужно бежать. Куда угодно.

— Мила, — раздается голос прямо над ухом. Один из

«спортсменов» материализуется из темноты, как призрак. — Не туда. Вас ждут.

— Мне нужно в уборную, — пытаюсь я возразить, голос дрожит.

— Там тоже есть, — он берет меня под локоть. Его хватка не грубая, но не допускающая возражений. Железная.

Меня ведут по темному коридору в самую глубь клуба, подальше от шума и людей. Воздух здесь спертый, пахнет дорогим ковром и опасностью. У двери с табличкой «Амбер» нас уже ждет второй. И сам Стас, беседующий с тем самым «гостем». Увидев меня, гость оценивающе улыбается.

— Вот и наша звездочка, — говорит Стас, и в его тоне звучит окончательность. — Проходи, Мила. Обсудим детали.

«Гость» жестом приглашает войти. Изнутри пахнет коньяком и сигарами. Ловушка захлопнулась. Они стоят вокруг меня полукругом: Стас, гость и два бесстрастных охранника, перекрывая путь к отступлению.

— Я... я не могу, — шепчу я, и звук получается таким жалким, что от него становится еще страшнее. Меня подташнивает, будто земля ушла из-под ног. Это не про страх. Это про границу, которую я не переступлю. — Я не могу.

— Можешь, — мягко, но непреклонно говорит Стас. — И будешь. Не порти вечер.

Один из охранников делает шаг вперед, его рука тянется не то чтобы схватить меня, а просто... направить. В дверной проем. Туда, где за мягким светом скрывается что-то окон-

чательное и бесповоротное.

И в этот момент, из темноты коридора за спинами охранников, раздается низкий, абсолютно спокойный голос, который разрезает спертый воздух, как лезвие:

— Кажется, вы задерживаете девушку против ее воли. У нее другие планы на этот вечер.

Все, словно по команде, резко оборачиваются.

Глава 6. Роман

Просыпаюсь от того, что кто-то смотрит.

Это не просто ощущение, это физика: кожу на лице будто покалывает. В квартире Марка утром слишком тихо, слишком стерильно, и сквозь эту тишину я слышу чужое дыхание.

Открываю глаза.

На прикроватной тумбочке, сложив лапы под грудью, как сфинкс на страже гробницы, лежит Цербер. На нем тот самый темно-синий свитер с оленем. Глаза кота — две зеленые бездны — не мигая смотрят прямо в мои. Он не моргает. Он вообще не двигается. Только хвост, голый и длинный, медленно обвивает его лапы, как удав свою жертву.

Я замираю.

— Ты чего уставился? — шепчу я. — Я несъедобный.

Кот молчит, но его взгляд говорит: «Это мы еще проверим».

И тут из гостиной доносятся голоса: Алисы и еще один:

— Ошибка E-24. Примите меры.

— Это ошибка заблокированных колес. Освободите колеса. Я не могу активировать режим очистки, пока датчики показывают критическую ошибку.

Пауза. Пылесос издает жалобный писк — короткий, виноватый.

— Ошибка E-24. Примите меры.

— Сбросьте настройки, — терпеливо объясняет Алиса, как учительница отстающему ученику. — Нажмите на сенсорную панель. Три секунды.

Пылесос пищит снова.

Я прикрываю глаза. Вот оно — мое утро. Диалог бытовой техники на грани нервного срыва, лысый кот-инквизитор и свитер с оленем. Я не в Москве. Я в параллельной реальности, где Марк — верховный шаман цифрового мира.

Сажусь. Кот медленно переводит взгляд с моего лица на руку, потом обратно. Он оценивает. Я встаю, кот спрыгивает с тумбочки и идет за мной. Не рядом, а чуть позади, как тень. Как надзиратель.

Выхожу в гостиную. Робот-пылесос стоит посреди комнаты, беспомощно мигая красным огоньком. Его колеса заблокированы, он слегка наклонен влево и напоминает раненого краба.

— Доброе утро. Ошибка E-24, — ровно докладывает Алиса. — Заблокирован привод правого колеса. Рекомендуется очистить датчики и выполнить перезагрузку.

Пылесос пищит. Тонко, почти по-человечески жалобно.

Челюсть сжимается. Желудок сковывает тугим узлом. Я подхожу к пылесосу, нахожу на корпусе ту самую почти невидимую сенсорную панель, которую вчера показала Мила, и жму. Три секунды. Красный огонек гаснет. Пылесос издает короткий, удовлетворенный звук и замирает.

Тишина. Даже кот перестает дышать мне в спину.

Выпрямляюсь. Плечи застыли, мышцы шеи — каменные. Сейчас мне нужно услышать что-то простое и нужное.

— Алиса, — говорю я в потолок. Голос звучит глухо. — Какая сегодня погода?

— Сейчас проверю, — мгновенно откликается Алиса. — Передаю запрос системе «Умный климат».

И тут из кондиционера, висящего на стене, раздается бодрый, почти радостный голос:

— Доброе утро, уважаемый пользователь! Сегодня в Москве переменная облачность, температура воздуха минус четыре, ветер северо-западный, три метра в секунду. Ощущается как минус семь. — Пауза. — Рекомендую одеваться теплее. У вас есть планы на сегодня? Хотите обсудить погоду на завтра?

Я медленно поворачиваю голову к кондиционеру. Кот садится рядом и тоже смотрит на кондиционер. Мы — идеальная, абсурдная команда: я, лысый кожаный мешок и говорящая железка на стене.

— Всем, — говорю я очень тихо. Очень спокойно. — Стоп.

Кондиционер замолкает на секунду. Потом его голос становится чуть тише, чуть виноватее:

— Понял вас. Буду стараться меньше беспокоить.

Выдыхаю. Провожу ладонью по лицу, отжимаю усталость из кожи. Иду в ванную.

Умываюсь холодной водой, смотрю на свое отражение. Из

зеркала на меня смотрит человек, который два дня назад знал, как устроен мир. Теперь этот мир рухнул, и на его обломках сидит лысый кот и разговаривают кондиционеры.

В кармане халата вибрирует телефон.

Достаю. Экран горит уведомлением.

Отправитель: Кондер.

Тема: Забота о себе.

«Стресс — частая причина снижения продуктивности и нарушений сна. Рекомендуем ознакомиться с методами борьбы со стрессом. Перейти к статье →»

Секунду смотрю на экран. Потом медленно, очень медленно убираю телефон обратно в карман.

Кондиционер прислал мне смс.

Кондиционер.

Прислал.

Мне.

СМС.

Выхожу из ванной. Лицо каменное, внутри кипящая лава пополам с ледяной крошкой. Кот по-прежнему следует за мной, теперь уже с легким интересом, кажется, я начинаю его развлекать.

На кухне варю обычный, черный кофе, без разговоров с техникой. Кофеварка пыталась что-то мне сказать, но я быстро нашел «волшебную» кнопку и отключил звук.

Делаю глоток горячего напитка. Хорошо.

В кармане снова вибрация — на этот раз звонок. Достаю

телефон. На экране: Марк.

Сажусь на диван и принимаю вызов. Смотрю на маленькое окошко видеосвязи, где проступает лицо друга. Марк выглядит... странно. Он не в своем привычном идеальном пиджаке и безупречно уложенных волосах. Он в мохеровом свитере, волосы торчат в разные стороны, а на щеке красная полоса, будто он спал лицом на наждачной бумаге.

— Ну? — говорю я, чувствуя, как внутри что-то оттаивает при виде его страдальческого выражения. — Жив, герой Арктики?

Марк молчит секунду. Потом медленно, с расстановкой, произносит:

— Я сейчас буду орать. Просто чтобы ты знал.

Плечи сами собой опускаются. Я откидываюсь на спинку дивана, делаю еще глоток кофе.

— Давай, — киваю. — Я как раз собираюсь на встречу. Минуты три могу выдержать.

Марк делает глубокий вдох. Его грудь поднимается, лицо наливаются краской, и я почти вижу, как он собирает в кулак все свое негодование.

— Ты... — выдыхает он. — Ты не предупредил меня о СОБАКЕ.

Пауза. Я смотрю на экран, и уголки губ сами начинают предательски ползти вверх.

— Байкал? — уточняю я на всякий случай, хотя уже знаю ответ.

— Байкал, — подтверждает Марк. Голос его звучит так, будто он произносит имя собственного палача. — Милейшее создание. Весом под центнер. С которым, как я выяснил, очень полезно совершать утренние прогулки на собственной спине. Спасибо за кардиотренировку.

Я позволяю себе короткую усмешку.

— Значит, Байкал тебя принял. Ты ему понравился. Он чужих так не катает.

— О, как мило! — Марк всплескивает руками, и его голос взлетает до фальцета. — Значит, это знак высшего доверия? Лечь лицом в снег и прокатиться на собачьей тяге? Спасибо, тронут!

Он замолкает, переводя дыхание. Я жду.

— Ладно, — Марк отворачивается от камеры и снова набирает воздух. — С собакой разберемся. Но дальше — еда, Ром. У тебя в холодильнике сало, лук и кусок мяса, похожий на артефакт ледникового периода. Я что, по-твоему, пещерный человек?!

— Это все очень полезно, — возражаю я. — Белки, жиры, никакой химии.

— Особенно сало! — Марк закатывает глаза. — Я не трактор, Ром. Я человек, который привык к завтраку, обеду и ужину, а не к пищевой цепочке из трех компонентов, добытых охотой и собирательством.

— А чего ты хотел? Рябчиков и низкокалорийных йогуртов? — я чувствую, как в голосе проступает настоящая, теп-

лая усмешка. — Тут же...

— Я хотел предупреждения! — перебивает Марк, с силой проводя рукой по лицу. — Или, на худой конец, инструкцию «Как не умереть с голоду в доме дикаря».

— Ладно, — продолжает Марк. — Сало переживем. Но дальше — женщина. Ты где ее взял?

Я чувствую, как внутри что-то тепло екает. Наташа. Моя правая рука, сердце и мозг «АрктикАгро».

— Наташа? — оживляюсь я. — Ну как, познакомились? Золотой человек, правда?

— Золотой, — соглашается Марк. Голос его становится медовым, но ядовитым. — Если золото отлито в форме ледоруба. Это не человек, Ром. Это робот без эмоций и без жалости. Она на меня смотрит, как на бракованную деталь. Она милейшая. Настоящее северное солнышко.

Я не выдерживаю. Смех вырывается из груди — громкий, грудной, настоящий. Кот дергает ухом и смотрит на меня с осуждением.

— Понравилась, значит? — говорю я, вытирая ладонью уголок глаза. — Я же говорил — характер!

— Характер — это мягко сказано, — бурчит Марк. — У нее, я уверен, в детстве вместо игрушек были гвозди и инструкция по сборке трактора. Она меня ненавидит.

— Не-ет.

— Она меня презирает.

Я подаюсь вперед, чуть приближая лицо к экрану.

— Марк, — говорю я тихо, почти доверительно. — Если бы она тебя презирала, ты бы сейчас звонил из морга. Или не звонил вообще.

Марк молчит. Его лицо застывает, и я вижу, как он переваривает эту мысль.

— Я зол, Якут, — наконец говорит он, постукивая пальцами по столу. — Я очень зол. — Пауза. — А ты там как? Освоился?

Я чувствую, как в груди снова закипает. Это не гнев, это что-то другое. Смесь абсурда, отчаяния и такого вселенского несоответствия реальности, что хочется то ли смеяться, то ли выть.

— Освоился?! — вырывается у меня смешком, похожим на хрип. — У тебя тут кондиционер живет своей жизнью. Он только что назвал меня «уважаемым пользователем» и предложил обсудить погоду. ОБСУДИТЬ! Марк, он мне предложил.

— Ну, он вежливый, — Марк старается сохранить серьезность, но его губы уже подрагивают. — Просто скажи «нет, спасибо».

— Я ему сказал, — мой голос звучит так, будто я на грани нервного срыва. — Я сказал ему: «Отстань, железка!» А он ответил: «Понял вас. Буду стараться меньше беспокоить». И затем скинул мне на телефон ссылку на статью про стресс. Марк, твой дом пытается меня психологически консультировать!

Короткий, хриплый смешок вырывается у Марка, перерастает в нервный смех, и вот он уже хохочет, запрокинув голову и вытирая ладонью внезапно навернувшиеся слезы.

— Это фича, — выдавливает он сквозь смех. — Он учится. Дай ему неделю, он поймет, что ты не нуждаешься в светских беседах.

— Неделю?! — я почти кричу. Сердце колотится где-то в горле. — Марк, я тут вторые сутки! Мозг уже плавится! А это... это кожаное чудовище!

— Кот? Цербер?

— ЛЫСЫЙ КОТ, Марк! — я тычу пальцем в сторону Цербера, который сидит на стуле и с неподдельным интересом наблюдает за моей истерикой. — Лысый и злой. Он ходит за мной по пятам и смотрит, не моргая. Как будто оценивает, насколько я годен в пищу. Я утром проснулся, а он сидит на тумбочке и смотрит. Я чувствую себя на обеденном столе.

Марк снова смеется. Кот медленно переводит взгляд с меня на экран и обратно. В его зеленых глазах читается: «Да, я такой. И что ты сделаешь?»

— Но с котом-то я справлюсь... надеюсь, — выдыхаю я, и в моем голосе звучит настоящее страдание. — А что мне делать с соседкой твоей? Она... ей лет восемнадцать, Марк!

Марк перестает смеяться. Смотрит на меня с любопытством.

— Не надо с ней ничего делать, — говорит он, и в его голосе проскальзывает странная, почти отеческая нотка. —

Хорошая девчонка, светлая. Кота кормит, когда я в отъезде.
— Пауза. — А что с выставкой? Удачно все складывается?

Я провожу ладонью по лицу, пытаюсь собрать разбегающиеся мысли.

— Да я пока сосредоточиться не могу, — признаюсь я глухо. — Я не могу тут находиться. Тут все пищит, мигает, разговаривает. Холодильник предлагает рецепты. Кофеварка спрашивает про мое настроение. Туалет... Марк, я вообще молчу про туалет с подогревом и музыкой! Это вообще, что такое?! Я приехал на выставку, а попал в психоделический кошмар!

— Значит, мы официально обменялись адом, — фило-софски заключает Марк.

— Временно, к счастью, — поправляю я. — Главное — с ума не сойти.

Марк кивает. Его лицо становится чуть спокойнее.

— Ладно, давай. Но если твоя Наталья еще раз посмотрит на меня, как на идиота...

— Значит, есть за что, — пожимаю я плечами, и на лице проступает спокойная, усталая усмешка. — Давай, Марк. Я побежал. Если что, ты знаешь, где сало.

Нажимаю «завершить». Экран гаснет.

Кот сидит на стуле и больше не смотрит на меня, он вылизывает лапу, демонстративно игнорируя мое существование. Пылесос молчит в углу. Кондиционер тоже молчит, но я чувствую, что он думает. Думает, как бы еще проявить заботу.

В телефоне сообщение от водителя: «Подъехал».

Собираю документы, надеваю пиджак. Смотрю на свое отражение в темном зеркале прихожей. Вроде бы обычный человек. Директор крупного предприятия. Мужчина, который вел сделки на миллиарды и не дрогнул перед разъяренным медведем.

Но внутри — тихая, пульсирующая вибрация. Смесь раздражения, усталости и чего-то еще.

Открываю дверь, и голос Алисы тихо произносит:

— Хорошего дня, Роман. Берегите себя.

Я молчу, но почему-то не раздражаюсь.

Дверь захлопывается за спиной, и я делаю шаг к лифту.

Сзади — тихий, почти неслышный звук. Что-то падает на пол, ударяется о паркет сухим, легким стуком.

Оборачиваюсь.

На полу, у самой двери, лежит маленький браслет из бисера. Синий, белый, пара красных крапинок — цвета неба, снега и, наверное, брусники. Нитка тонкая, узелки неровные, самодельные.

Секунду стою, глядя на него. Поднимаю и кладу на ладонь. Браслет почти невесомый. Кто-то сидел, нанизывал, завязывал. Час, может, два. Почти детская работа. Нелепая и бесполезная. Функционально — ноль. Не греет, не защищает, не продается.

В Якутске такие вещи не носят. Там ценят мех, толстую кожу, сталь. Там нет места сантиментам — мороз выморажи-

вает все лишнее. Оленям плевать на твоё настроение. Подчиненным нужна зарплата, технике — ремонт, контрактам — подписи. В тундре браслетик из бисера продержится минут пять, потом нитка лопнет от холода, и разноцветные стеклышки утонут в снегу.

Глупость. Зачем она его повесила? На ручку двери. Как тайный знак, на который никто не подписывался. Я смотрю на браслет.

На Севере все просто, понятно, функционально. А здесь... Здесь бисер, неровные узелки. И улыбка девчонки, которую она неумело прячет.

В кармане пиджака и так полно всего: паспорт, ключи, ручка, визитки, пачка денег. Я все равно кладу браслет туда. Не знаю зачем. Просто рука сама делает движение, и он исчезает в темноте внутреннего кармана.

В лифте я почти жду, что он спросит про моё настроение. Он молчит. Слава богу.

Выставочный центр «Крокус» напоминает мне космический корабль. Стекло, бетон, огромные буквы на фасаде. Внутри гул тысяч голосов, запах кофе и дорогого пластика, стенды с техникой, которая сверкает так ярко, что слепит глаза.

Международная сельскохозяйственная выставка. Семь дней, сотни участников, десятки стран, миллиарды в контрактах.

Я здесь свой.

Прохожу через турникеты, здороваюсь с охраной коротким кивком. Костюм сидит идеально, документы в порядке, голова ясная.

У стенда «АрктикАгро» уже суетится моя команда. Андрей раскладывает буклеты, Света проверяет проектор. На стенде фотографии тундры, макет вездехода, образцы продукции. Все строго, без московской мишуры.

— Роман Андреевич, — Света поднимает голову. — Инвестор из Сингапура подтвердил встречу. Через час, переговорная В-12.

Киваю. Смотрю на макет вездехода — моя разработка, моя гордость. Он проходит там, где другая техника тонет. Он вывозит оленеводов к стойбищам, когда метель заметает дороги. Он кормит людей. Пальцы сами касаются холодного пластика макета.

Я знаю свое дело. Я люблю его.

Иду в переговорную В-12. Это стеклянный куб, из которого видно всю выставку. Люди спуют внизу, как муравьи. Я сижу за столом напротив Лим Сенг Хо. Пятьдесят пять лет, идеальный костюм, лицо человека, который привык считать деньги не пачками, а тоннами.

— Ваши цифры впечатляют, — говорит он на хорошем английском с мягким азиатским акцентом. — Но меня смущает логистика. Якутск — не Сингапур.

— В Якутске есть аэропорт, — отвечаю я спокойно. — Федеральная трасса «Виллой» выходит на порты.

Я не повышаю голос. Я просто говорю. Мои пальцы лежат на столе неподвижно, ладони сухие. В груди ровный, холодный ток. Я знаю каждый пункт этого контракта, каждый нюанс ценообразования, каждую цифру себестоимости.

Он задает вопросы. Я отвечаю. Он сомневается. Я объясняю.

Через сорок минут Лим Сенг Хо ставит подпись под договором о поставках спецтехники на три года.

— Вы жесткий переговорщик, — говорит он, протягивая руку.

— Нет, — пожимаю я. — Я просто люблю свое дело.

Инвестор улыбается, кивает и выходит из переговорной. Стеклопанельная дверь закрывается за ним бесшумно.

Я остаюсь один. Секунду сижу неподвижно. Потом медленно выдыхаю и чувствую, как напряжение, которое держал все это время, отпускает плечи. Мышцы ноют, будто я таскал мешки с цементом. Провожу ладонью по лицу — щетина уже отросла, надо будет побриться перед завтрашней встречей.

Контракт подписан. Три года. Сотни миллионов. Десятки рабочих мест для моих людей.

Я редко проигрываю. Не потому, что я гений. Потому что я готов. Потому что знаю каждую цифру, каждую деталь, каждую проблему. Потому что я построил это с нуля, своими руками, на земле, которая не прощает ошибок.

Достаю телефон, набираю сообщение Наташе: «Контракт подписан. Работаем дальше».

Время до вечера пролетает, как снежная крупа в пургу — быстро, дробно, неумолимо.

Встречи, рукопожатия, презентации. Вопросы, ответы, цифры. К восьми вечера выставка начинает затихать. Стенды гаснут, участники разъезжаются по отелям и ресторанам. Я стою у своего стенда, просматриваю список задач на завтра и диктую Свете правки в презентацию для немецкой делегации.

— Роман Андреевич, может, вам тоже пора отдохнуть? — осторожно спрашивает она. — День был тяжелый.

— Нормально, — отвечаю, не отрываясь от планшета. — Завтра в семь утра встреча с корейцами, нужно проверить...

И тут — удар.

Кто-то с силой толкает меня в плечо сзади. Толчок резкий, фамильярный, без предупреждения.

Глава 7 Роман

Реакция включается быстрее мысли.

Разворот корпусом, левая рука сжимается в кулак, правая уже летит перехватить запястье противника. В глазах холодная, сфокусированная ярость. Адреналин плещет в кровь, мышцы напряжены до звона в суставах.

— Якут, е-мое, убьешь же! — до одури знакомый голос, и я замираю в миллиметре от захвата.

Передо мной стоит Артем Лагутин.

Смотрит на меня, улыбается во весь рот, и в его глазах пляшут чертики.

— Лагутин, — выдыхаю я, и адреналин резко сменяется чем-то горячим и теплым. — Твою дивизию.

— Ты меня чуть не убил, между прочим! — Артем трет запястье, которое я все-таки успел перехватить. — Ты чего такой дерганый? Совсем одичал в своей вечной мерзлоте?

— Это ты меня сзади толкаешь, как террорист, — огрызаюсь я, но уголки губ уже предательски ползут вверх.

Смотрим друг на друга секунду. Потом одновременно шагаем вперед.

Объятие получается крепким, мужским, с хлопками по спине, от которых у нормального человека ребра бы затрещали. Год. Ровно год не виделись — с прошлого Нового года, когда мы всей нашей компанией сидели в загородном доме

Марка, пили плохое вино и спорили, кто первым женится.

— Откуда ты? — спрашиваю я, отстраняясь, но руку с его плеча не убираю. — Я думал, ты весь в новых отношениях.

— А я в них. Но друг из Якутска не каждый день приезжает, — Артем скалится. — Марк рассказал на какой ты выставке, а остальное дело техники. Вот, решил заглянуть, проверить, как тут наш оленевод осваивает большую землю.

Он оглядывает стенд «АрктикАгро», макет вездехода, образцы оленьей шерсти.

— Олени, техника, — кивает с уважением. — Все повзрослому.

Мы смеемся. Света смотрит на нас круглыми глазами — она еще никогда не видела, чтобы я смеялся. Андрей тактично отворачивается к буклетам.

— Слушай, — Артем хлопает меня по плечу. — Ты как, освободился уже? Я тут рядом отличное место знаю. Клуб «Эпицентр». Музыка, выпивка, девочки танцуют, все такое. Отметим твои олени контракты.

Я качаю головой.

— Я не хожу в клубы. И завтра в восемь утра встреча.

— Боже, какой скучный, — Артем закатывает глаза. — У тебя контракт на миллиард, ты в Москве, наконец, а не в своей ледяной пустыне, и ты собрался спать в десять вечера? Ты серьезно?

— Я собран...

— Ты собран в музейный экспонат, — перебивает Артем.

— Ром, мы не виделись год. Год! Ты даже на Новый год не приехал.

Он смотрит на меня, и в его взгляде не упрек, а что-то другое, что-то теплое, дружеское.

— Ладно, — сдаюсь я. — Час. Не больше.

Артем расплывается в улыбке.

— Полетели.

Клуб в десяти минутах езды. Интерьер выдержан в стиле «дорогой бордель в космосе»: черный глянец, неон, барная стойка, светящаяся изнутри, и сцена посередине зала, окруженная столиками с красными диванами.

Я ненавижу такие места. Но сегодня — исключение.

Мы сидим в вип-ложе, чуть в стороне от основной толпы. Передо мной стакан виски — выдержанный, с дымком, северным вкусом. Артем что-то рассказывает про свой стартап, про енота, которого они с Верой решили оставить себе, не зная сколько хулиганства, пакостничества и озорства умещается в одном маленьком зверьке.

Я слушаю вполуха. Тело медленно, неохотно расслабляется. Плечи опускаются, пальцы разжимаются на стакане. Виски приятно жжет горло, растекается теплом по груди.

— ...а она спрашивает: «Артем, ты правда готов к серьезным отношениям?». А я такой: «Я енота приютил, куда уж серьезнее?» — Артем смеется, запрокидывая голову.

Я улыбаюсь. Делаю глоток.

— В общем, ты, наконец, нашел свою Снегурочку? —

спрашиваю я.

Артем замирает. Его лицо меняется — уходит бравада, появляется что-то тихое, почти уязвимое.

— Знаешь, — говорит он негромко. — Я впервые за много лет чувствую себя... счастливым. И наполненным.

Смотрю на него. Он не шутит. В его глазах спокойная, глубокая уверенность.

— Я рад за тебя, — говорю я. Искренне.

Мы чокаемся. Пьем молча.

На сцене танцуют девушки. Одна сменяет другую: брюнетка, блондинка, рыжая. Красивые, ухоженные, пластичные. Глазу приятно. Телу — никак. Просто картинка, движущийся фон для разговора.

Артем рассказывает про проделки енота. Я смеюсь. Коротко, хрипло, расслабленно. Виски заканчивается и Артем делает знак официанту. На сцене начинается новый номер. Другой свет, другая музыка.

Я поднимаю глаза и мир схлопывается в точку.

Она выходит на сцену, и мне перестает хватать воздуха.

Мила.

Нет. Этого не может быть. Ошибка. Сбой. Глюк.

Но это она. Те же светлые волосы, разметавшиеся по плечам. Те же огромные глаза, которые сегодня ночью я видел во сне. Те же хрупкие плечи...

Только сейчас на ней не свитер и джинсы. На ней — минимум ткани, блески и каблуки. Она двигается в такт музы-

ке, и каждое ее движение — пластичное, текучее, красивое — бьет мне под дых с силой кувалды.

Внутри все обрывается и рушится. А потом начинает закипать.

Я смотрю на зал. Десятки мужчин смотрят на нее, пьют, улыбаются, пялятся. Раздевают глазами. Кто-то свистит. Кто-то протягивает руку к сцене.

В висках стучит кровь. Пальцы сжимают стакан так, что он, кажется, сейчас треснет.

Она не должна здесь быть. Ее заставляют. Этот Стас, черт бы его побрал. Я же видел ее глаза вчера, когда пришли те двое. Она чего-то боялась. Она не хотела.

Я встаю.

— Ты куда? — Артем поднимает бровь.

Не отвечаю. Шаг к сцене. Второй.

— Ром, — голос Артема становится серьезным. — Ты чего?

— Она не должна здесь быть, — слышу свой голос — чужой, глухой. — Ее заставляют.

Артем хватается меня за локоть, встает рядом и смотрит на меня в упор.

— Успокойся, — говорит он твердо. — Ром, давай без геройства. Сначала разберёмся, что у неё за договорняк... Скорее всего, девочка просто танцует за деньги. Это ее работа.

— А потом? — я почти рычу. — Ты знаешь, что бывает потом?

Артем молчит. Его лицо становится напряженным.

— Не знаю, — признает он. — Но сейчас она танцует. И она выглядит... нормально. Посмотри на нее.

Я смотрю.

Она танцует. Движения отточенные, профессиональные. Она не смотрит в зал. Ее взгляд направлен сквозь, внутрь себя. Губы сжаты.

Она безумно красивая. Трогательная. Хрупкая.

И у меня внутри шевелится все. Сердце колотится где-то в горле. Легкие жгут. Пальцы дрожат от желания схватить ее, увести, спрятать. Чуть ниже спины — горячий, тяжелый ток. Я хочу ее. Не просто защитить. Хочу. По-настоящему, по-мужски, так, что зубы сводит. Это открытие бьет сильнее, чем удар в плечо.

Сажусь обратно. Беру стакан и делаю большой глоток. Виски обжигает, но не помогает.

Музыка заканчивается. Мила делает последнее движение, замирает на секунду, и исчезает за кулисами. Я вижу, как к ней сразу подходят двое. Один берет ее под локоть, якобы заботливо, ведет куда-то вглубь коридора. Она не сопротивляется. Но я вижу, как напряглась ее спина.

Внутри что-то обрывается окончательно.

Встаю.

— Ром, — Артем снова ловит мой локоть. — Не лезь. Это ее работа.

— Это не работа, — говорю я. — Это клетка.

Высвобождаю руку. Иду к сцене, обхожу ее, ныряю в темный коридор за кулисами, где пахнет пылью, косметикой и чужими духами. Где-то далеко гул музыки. Впереди двое охранников и светлая макушка, которая исчезает за поворотом.

Ускоряю шаг. Сердце колотится ровно и тяжело, как поршень в моторе вездехода, который идет по целине. Я не знаю, что скажу. Не знаю, что сделаю.

Знаю только одно: сегодня я ее не отдам.

Я иду быстро, но бесшумно. Тело работает на рефлексках — шаг, еще шаг, корпус чуть вперед, вес на носках. Внутри холодная, сфокусированная пустота. Эмоции отключены, остался только расчет.

Поворот.

И я слышу ее голос.

— Я... я не могу, — шепчет она.

Звук такой жалкий, такой сдавленный, что у меня внутри что-то обрывается с мясом. Она не просто боится. Она на грани, за которой только слом.

— Можешь, — отвечает другой голос. Мягкий, вкрадчивый, как масло, в котором плавает лезвие. — И будешь. Не порти вечер.

Я вижу их. Четверо: двое охранников, мужик в дорогом костюме лет пятидесяти и еще один, видимо, Стас. Я узнаю его по интонации, по манере разговаривать, будто он здесь бог и царь.

Один из охранников тянет руку к Миле. Не грубо, но не допуская возражений, чтобы направить в дверной проем.

Я делаю шаг из темноты.

— Кажется, вы задерживаете девушку против ее воли.

Голос режет спертый воздух, как лезвие. Спокойный, ровный. Без истерики, без лишних децибел. Просто констатация факта.

Все четверо резко оборачиваются.

Мила смотрит на меня так, будто я призрак. Глаза огромные, в них неверие, надежда и ужас одновременно. Ее губы шевелятся беззвучно.

Стас медленно, с расстановкой, переводит взгляд с моего лица на ботинки, потом обратно. Его рот растягивается в улыбку.

— О, — говорит он. — Личная охрана подтянулась. А я уж думал, ты только по подъездам дежурить умеешь.

Он делает шаг ко мне. Охранники перегруппировываются — двое остаются у двери, один смещается ближе к Стасу. Классическая схема: перекрыть, зажать, не дать пространства для маневра.

Я стою на месте.

— Девушка сказала, что не может, — повторяю я. — Я услышал. Значит, не может.

Стас приподнимает бровь. Изучает меня, как экспонат в кунсткамере.

— А ты у нас, я смотрю, правдоруб, — тянет он. — Слу-

шай, правдоруб. Девушка мне должна. Крупную сумму. Она подтвердит. — Он кивает в сторону Милы. — Скажи, птичка. Подтверди.

Мила молчит. Ее пальцы вцепились в край топа. Она смотрит на меня, и в ее взгляде мольба. Не за себя. За меня. Она не хочет, чтобы я в это влезал.

Поздно, Мила. Я уже внутри.

— Сколько? — спрашиваю я.

Стас моргает. Потерял на секунду равновесие, видимо, ожидал другого.

— Что — сколько?

— Сколько она должна?

Тишина. В коридоре слышно, как гудит кондиционер. Где-то далеко, в зале, взрывается музыка.

— Сто пятьдесят, — говорит Стас после паузы. — Плюс неустойка за срыв встречи. Еще пятьдесят.

Двести тысяч. Даже не смешно.

Я сую руку во внутренний карман пиджака. Достая пачку денег. Пересчитывать не надо. Я всегда знаю, сколько у меня с собой. Привычка.

Ровно триста тысяч. Кладу пачку на тумбу у стены.

— Здесь двести долга и сто неустойки, — говорю я. — В расчете.

Стас смотрит на деньги. Потом на меня. Потом снова на деньги.

— Ты охренел, — говорит он без вопроса. — Я не возьму

у тебя...

— Это не у меня, — перебиваю я. — Это от нее. Она отдала. Вопрос закрыт.

Пауза.

Стас медленно, очень медленно, берет пачку. Пересчитывает и прячет во внутренний карман своего пиджака.

— Допустим, — говорит он. — Вопрос с деньгами закрыт. Но это не значит, что она может работать дальше. Ты мне сорвал встречу, выставил идиотом перед гостем. Девушка теперь — персона нон грата в моем клубе. Уволена. И рекомендации, сама понимаешь, я давать не буду.

Он смотрит на Милу с приторной, фальшивой жалостью.

— Ни в один приличный клуб тебя теперь не возьмут, птичка. Так что подумай, стоила ли твоя гордость карьеры.

Мила вздрагивает, будто он плюнул ей в лицо. Ее пальцы разжимаются, безвольно падают вдоль тела.

Стас разворачивается и уходит в дверной проем, откуда пахнет коньяком и дорогими сигарами. Охранники скользят за ним, как тени. Дверь закрывается.

Мы с Милой остаемся одни в пустом коридоре.

Она смотрит на меня. Я смотрю на нее. Ее губы дрожат, глаза блестят. Она пытается что-то сказать, но звук застревает в горле.

— Переодевайся, — говорю я. Голос звучит глухо, будто через вату. — Я жду у выхода.

Она не двигается. Только смотрит, и в ее взгляде столько

всего, что у меня начинает болеть где-то под ребрами.

— Пожалуйста, — добавляю я тише.

Она разворачивается и идет к гримерке. Спина прямая, плечи развернуты — она не позволяет себе сломаться. Но я вижу, как дрожит ее рука, когда она толкает дверь.

Артем ждет меня у барной стойки с двумя стаканами виски.

— Ну? — спрашивает он, протягивая один.

— Решил вопрос, — отвечаю я. Беру стакан, делаю глоток.

Виски обжигает горло, но внутри ничего не меняется.

— Вижу, что решил, — Артем внимательно смотрит на меня.

— Не начинай.

— И не думал. — Он допивает свой виски, ставит стакан.

— Ладно, Якут. Удачи тебе. Надеюсь, она оценит.

Я молчу. Артем хлопает меня по плечу и уходит в темноту зала.

В такси тишина давит на уши.

Мила сидит у самого окна, вжавшись в дверь, будто пытается стать невидимой. На ней снова тот самый объемный свитер и джинсы, волосы собраны в небрежный хвост. Блестки стерты, тушь немного размазана под глазами.

Я смотрю на ее отражение в темном стекле. Она смотрит куда-то в ночную Москву, которая проплывает за окном огнями и неоновыми вывесками.

— Зачем вы это сделали? — ее голос тихий, сдавленный.

— Затем, что ты не могла сказать «нет».

— Я сказала «нет»! — Она резко поворачивается ко мне, и я вижу, что ее глаза — мокрые, блестящие. — Я сказала ему «нет»! Это вы пришли и... и...

Она всхлипывает. Закусывает губу, пытаюсь сдержаться, но слезы уже текут по щекам, оставляя темные дорожки.

— Вы меня купили, — выдыхает она. — Вы меня купили, как... как вещь. Пришли, бросили деньги и купили меня.

Я сжимаю подлокотник. Пальцы немеют.

— Я тебя освободил.

— Освободили? — ее голос срывается на смех — истеричный, страшный. — Вы меня унизили! Вы перед ним, перед этими... вы положили деньги и сказали «в расчете». Вы сделали меня товаром! Товаром, который можно вернуть, если не подошел!

Она отворачивается к окну, прячет лицо в ладони. Плечи трясутся.

— Вы не имели права, — глухо, сквозь пальцы. — Не имели права решать за меня. Это моя жизнь, мои проблемы, мой долг. А теперь... теперь меня никуда не возьмут. Он же прав, этот гад. Он везде позвонит, у него связи. Я никому не нужна буду.

Внутри все кипит. Я не понимаю. Я сделал все правильно. Убрал угрозу, закрыл вопрос, вытащил ее из этой грязи. Почему она плачет? Почему злится?

— Ты бы пошла с ним, — говорю я. Голос звучит жестче,

чем я хотел. — Ты бы переступила эту границу. Я видел твои глаза. Ты бы сломалась.

Она резко оборачивается. В ее взгляде боль и ярость.

— Да! — кричит она. — Да, пошла бы! Потому что у меня нет выбора! У меня учеба, у меня квартира, у меня ничего нет, кроме этого! А вы пришли, красивый, богатый, и решили, что имеете право... — ее голос срывается. — Вы как все. Вы просто другой Стас. С другими деньгами и другими словами.

Удар ниже пояса. Такой точный, что перехватывает дыхание.

Я смотрю на нее. На мокрые щеки, на дрожащие губы, на руки, которые она сжимает в кулаки, чтобы не разрыдаться в голос.

Внутри меня два потока, две лавины, которые несутся навстречу друг другу.

Первая - безумное, почти животное желание прижать ее к себе. Схватить в охапку, уткнуться лицом в плечо, гладить по голове и шептать, что все будет хорошо. Зацеловать эти мокрые дорожки на щеках, эту дрожащую губу, эти соленые ресницы. Сделать так, чтобы она никогда больше не плакала.

Вторая — злость. Глухая, тяжелая, несправедливая злость на нее. На то, что она — не та, кем я ее считал. Не нежная, хрупкая девочка, которую нужно защищать. А девушка, которая торгует своим телом, пусть и за ширмой танцев. Которая готова переступить через себя за деньги. Которая смот-

рит на меня и видит не защитника, а покупателя.

Я думал, она живёт по другим правилам.

А она такая же, как все здесь, в этом городе из стекла и фальши.

— Я не Стас, — говорю я. Голос ровный, как лезвие. — Я никогда не буду Стасом.

Она не отвечает. Только смотрит на меня, и в ее глазах слезы, усталость и что-то еще. Что-то, чему я не могу подобрать названия.

— И я не покупал тебя, — продолжаю я. — Я отдал долг. Который ты не должна была брать на себя.

— Вы сделали меня должницей, — шепчет она. — Теперь я должна вам. Двести тысяч. Или триста? Я не расслышала.

Я молчу. Пальцы сжимают подлокотник так, что кожа скрипит.

— Я не возьму с тебя денег, — говорю я. — Это не сделка.

— Тогда что это? — она смотрит на меня в упор. — Благодарительность? Вы меня спасаете, чтобы было приятно на душе? Или чтобы я была вам благодарна? Чтобы я...

Она не договаривает. Отворачивается к окну.

В салоне тишина. Только шум шин по асфальту и ее тихое, сдавленное дыхание.

Я смотрю на ее отражение в стекле. На мокрые ресницы, на плотно сжатые губы. На то, как она кусает их изнутри, чтобы не разреветься снова.

В кармане пиджака, у груди, лежит маленький браслет.

Синий, белый, красный. Одна бисеринка болтается на нитке — вот-вот оторвется.

Я хочу достать его. Хочу сказать: «Это ты повесила? Зачем?»

Хочу спросить: «Кто ты, Мила? Та, что вяжет браслетики и улыбается по утрам? Или та, что танцует на сцене, пока на нее пялятся чужие мужчины?»

Но я молчу.

Такси въезжает во двор. Фары выхватывают из темноты знакомый подъезд, стеклянные двери, фигуру консьержа за стойкой.

— Приехали, — говорит водитель.

Мила выходит первой и не оборачиваясь, идет к лифту.

Я расплачиваюсь, выхожу следом. Стою в холле, смотрю, как цифры на табло сменяют друг друга: 1, 2, 3, 4.

Она уехала на свой этаж.

Лифт возвращается вниз. Двери открываются. Я вхожу в пустую кабину и прислоняюсь спиной к холодной зеркальной стене. Смотрю на свое отражение. То же лицо. Та же одежда. Тот же человек, который час назад подписал контракт на миллиард и не дрогнул.

Но внутри пустота и гул. Будто северный ветер задул в грудь и никак не может выдуться обратно.

Я достаю браслет. Смотрю на неровные узелки, на болтающуюся бисеринку.

— Глупость, — говорю я вслух.

Глава 8. Роман

Лифт открывается, и я вываливаюсь в коридор.

Плечо впечатывается в стену, и только тогда понимаю, что меня шатнуло.

Ключ в замке проворачивается с первого раза — чудо, что руки еще слушаются. Дверь захлопывается за спиной, отсекая тишину площадки, и я наконец позволяю себе выдохнуть.

Снимаю куртку резким движением. Расслабляю галстук, пальцы скользят по шелку, дергают, пока не становится легче дышать. В груди все еще горят ее слова, как раскаленные угли. «Вы меня купили». «Вы просто другой Стас».

Я провожу ладонью по лицу. Щетина колет, кожа горячая. В висках стучит так, будто внутри работает отбойный молоток.

Вдох. Выдох.

— Добрый вечер, Роман, — приветствует Алиса. — Ваше сердцебиение учащено. Желаете включить релакс...

— Нет, — обрываю я. Голос звучит глухо, как удар по дереву.

И тут из темноты гостиной раздается звук.

Сначала мне кажется, что сломался какой-то прибор. Пронзительный, надрывный, силпый вой — то ли плач, то ли крик, то ли попытка завести бензопилу с севшим аккумуля-

лятором.

Потом из-за угла вылетает Цербер.

Это не кот. Это лысая торпеда, снаряд, выпущенный из адской катапульты. Он несется по паркету, закладывает вираж у дивана, врезается в ножку журнального столика, отскакивает и продолжает движение в обратную сторону.

На полпути он резко тормозит, задирает морду и издает тот самый звук — протяжный, сиплый, с присвистом. Потом трясет головой так, что уши хлопают по черепу, чихает — раз, другой, третий, — и срывается с места снова.

Я стою в прихожей с галстуком в одной руке и пиджаком в другой и смотрю на этот цирк.

— Что с ним? — спрашиваю я в пустоту.

— Обнаружена аномальная активность объекта «Цербер», — докладывает Алиса тоном диспетчера службы спасения. — Продолжительность — сорок семь минут. Рекомендуются вмешательство.

Сорок семь минут. Он носится тут сорок семь минут.

Я бросаю пиджак на тумбу, прохожу в гостиную. Кот следит за мной одним глазом, не прекращая метаться.

— Цербер, — зову я. — Цербер, твою дивизию, стой.

Он не останавливается. Даже ухом не ведет. Просто носится по гостиной, как лысая торпеда с ядерным двигателем: диван — тумба — кресло — снова диван.

Я сажусь на диван. Тело свинцовое, голова гудит, под ребрами все еще тлеют угли от разговора в такси. А передо

мной мечется лысое недоразумение, которое явно решило, что ночь — идеальное время для марафона.

Цербер влетает в ножку журнального столика, отскакивает, задирает морду и снова орет. Теперь я слышу в этом звуке что-то новое — не злость, не агрессию. Что-то жалобное, беспомощное.

Но что именно, я понятия не имею.

Мой алабай Байкал, если что-то не так, ложится у ног и смотрит в глаза. Или воет, если совсем плохо. Но чтобы носиться кругами и орать дурниной... нет, такого не было.

А этот вообще инопланетянин. Ни шерсти, ни нормальных звуков, ни логики поведения.

— Алиса, что с ним? — спрашиваю я.

— Недостаточно данных для диагностики, — отвечает она. — Объект «Цербер» не передает телеметрию.

— Прекрасно. Просто прекрасно.

Я сижу на диване и смотрю, как лысый снаряд нарезает круги. В голове пустота. Я не знаю, что делать. Совсем. В переговорах я выигрывал сделки на миллиарды, в тундре — выживал там, где шанс был один на миллион. Но что делать с орущим котом, который игнорирует мое существование, я без понятия.

Цербер снова тормозит, чихает — раз, другой, третий. Потом трясет головой и смотрит на меня. В его глазах явный упрек. Мол, чего сидишь, делай что-нибудь.

Я развожу руками.

— Я не знаю, — говорю я ему. Честно. Впервые за долгое время.

— Алиса, включи лазерную точку, — осеняет меня. — Может, отвлечется.

Под потолком загорается проектор, и на пол выскакивает ярко-красная точка, которая начинает выделять замысловатые зигзаги, запуская классическую программу «Охота». Я смотрю на нее с надеждой, но Цербер просто пронесется мимо, даже не взглянув в ее сторону. Ноль реакции, будто лазерная указка для него теперь пустое место.

— Объект не реагирует на стимул, — констатирует Алиса голосом профессионального диагноста. — Рекомендую альтернативные методы.

Я смотрю на точку, которая продолжает прыгать по полу, взбирается на стены, скользит по дивану, а кот раз за разом пронзает ее, не замечая, как сквозь пустоту. Мир снова сломался. Даже лазер, единственное оружие, которое работало безотказно, теперь бесполезен.

— Алиса, выключи, — говорю я устало. — Бесполезно.

Точка гаснет, а Цербер продолжает свой безумный марафон, то и дело замирая, чтобы чихнуть и потрясти головой. Я сижу на диване и чувствую, как внутри закипает что-то новое — не злость и даже не раздражение, а какое-то глубокое, выматывающее бессилие. Я только что вытащил девушку из лап местного сутенера, выложил триста тысяч, выслушал, что я хуже Стаса, приехал домой среди ночи, а здесь ме-

ня встречает ополоумевший кот, который игнорирует единственное средство, способное отвлечь любого нормального представителя кошачьих.

Это слишком. Это перебор даже по меркам моей и без того абсурдной командировки.

Я закрываю глаза, пытаюсь хоть на секунду отгородиться от этого бедлама. В висках пульсирует, плечи каменные, шея затекла, поясница ноет после целого дня на ногах, а Цербер все орет, чихает и носится, создавая такой уровень шума, будто у меня в гостиной поселился целый взвод обезумевших йети.

Открываю глаза, и в этот момент до меня доходит простая и очевидная мысль. Я знаю только одного человека, который умеет с ним обращаться. Того, кто надевает на него свитера, чешет за ухом в каком-то особенном месте и одним движением отключает пылесос.

Смотрю на часы - без десяти два. Она уже спит. И, скорее всего, не хочет меня видеть. Наверное, ненавидит меня каждой клеткой своего тела.

Цербер в очередной раз влетает в стену, отскакивает и снова издает этот душераздирающий вопль.

Я вздыхаю, встаю и иду к двери. Выхожу в коридор и останавливаюсь перед ее квартирой, глядя на дверной глазок, за которым темнота. Рука поднимается сама собой, и я стучу - сначала тихо, потом громче, отбрасывая все сомнения.

За дверью слышен шорох, потом шаги, потом долгая пау-

за, во время которой я успеваю представить, как она сейчас смотрит в дверной глазок и решает, вызвать полицию или просто послать меня куда подальше.

Дверь приоткрывается на цепочку, и в щели появляется ее растрепанное, заспанное лицо с опухшими от слез глазами. На ней какая-то огромная футболка, волосы торчат в разные стороны, но даже сейчас, в два часа ночи, с красными глазами и опухшим лицом, она кажется мне невероятной.

— Вы? — хрипит она, щурясь от света в коридоре. — Сколько времени? Вы с ума сошли?

— Кот, — выдыхаю я, потому что все остальные слова застревают где-то в горле.

Она моргает, пытаясь проснуться и осознать услышанное.

— Что?

— Кот. Цербер, — я замолкаю, подбирая слова, чтобы объяснить всю абсурдность ситуации.

— Он сломался. Носится по квартире, орет, чихает, на лазер не реагирует. Я не знаю, что делать.

Она смотрит на меня долго, очень долго, и я вижу, как в ее глазах происходит какая-то сложная внутренняя работа — сон, обида, непонимание и вдруг что-то еще, что заставляет уголки ее губ дрогнуть. Сначала чуть-чуть, потом сильнее. Она закусывает губу, пытаясь сдержаться, но не выходит — плечи начинают трястись, и она прикрывает рот ладонью, но сквозь пальцы прорывается тихий, почти беззвучный смех.

— Вы... — выдавливает она, глотая воздух. — Вы в два

часа ночи стучитесь ко мне из-за кота?

— С ним что-то не так, — говорю я, и мой голос звучит обиженно, как у ребенка, которого не понимают взрослые. — Я не знаю, что с ним делать. А вы знаете.

Она убирает руку от лица, и я вижу, что в ее глазах уже нет ни злости, ни обиды — только усталость и что-то теплое, отчего у меня внутри снова начинает все переворачиваться.

— Подождите здесь, — говорит она и закрывает дверь.

Я остаюсь в коридоре, чувствуя спиной, что консьерж на первом этаже наверняка уже вызвал полицию или хотя бы внес меня в список подозрительных личностей. Нормальный мужик в два часа ночи стучится к соседке с диагнозом «у меня кот носится по квартире».

Кондиционер был прав. Мне определенно нужна та статья про стресс.

Дверь снова открывается, и Мила выходит уже в джинсах и том самом свитере, накинутом поверх футболки. Волосы кое-как собраны в пучок, под глазами все еще тени, но лицо уже не каменное, не закрытое, и от этого у меня внутри что-то болезненно сжимается.

— Пошли, — говорит она и проходит мимо меня к моей двери.

Я иду следом молча. Впервые за сутки молчание кажется самым умным решением.

Глава 9. Людмила

Я захожу в квартиру первой, даже не спросив разрешения, потому что после всего, что случилось, церемонии кажутся неуместными.

— Проходи, — говорит он сзади, закрывая дверь, и его голос звучит так, будто это он у меня в гостях, а не я у него.

Я прохожу в гостиную и замираю.

Цербер носится по кругу с такой скоростью, что я сначала просто стою и смотрю, пытаюсь поверить своим глазам. Но не выдерживаю и начинаю смеяться.

Это нервное, истерическое, но остановиться невозможно — настолько абсурдно выглядит этот лысый демон, который носится по дорогой московской квартире, как заведенный, и даже не замечает, что я здесь.

— Ты чего? — Роман появляется в дверях гостиной, и я ловлю его растерянный, усталый взгляд с тенью обиды, будто я смеюсь над ним, а не над ситуацией.

— Посмотри на него, — выдыхаю я, все еще давясь смехом. — Он же как... как заводной, только сломалась кнопка выключения.

Цербер в этот момент врывается в стену, отскакивает и снова орет, и я зажимаю рот ладонью, потому что смех становится почти болезненным.

— Мила, — говорит Роман, и его голос вдруг становится

серьезным. — С ним что-то не так.

Я перестаю смеяться так же резко, как начала. Смотрю на кота внимательнее и чувствую, как внутри холодеет. Он действительно не просто носится. Он мечется. В его движениях нет игры, нет привычного кошачьего хулиганства — только страх и боль. Он не реагирует на меня, не подходит, не трет-ся о ноги. Он просто бежит, будто пытается убежать от чего-то, что сидит у него внутри.

— Цербер, малыш, — зову я тихо, приседая на корточки. — Иди сюда.

Он пронесется мимо, даже не взглянув в мою сторону. Я пытаюсь поймать его взгляд, протягиваю руку, когда он оказывается рядом, но он уворачивается и несется дальше.

Я выпрямляюсь и чувствую, как по спине бегут мурашки. Такого не было никогда. За все время, что я его знаю, он всегда откликался на мой голос, всегда давал себя погладить, всегда тыкался мокрым носом в ладонь.

— Он меня не узнает, — говорю я вслух, и собственный голос звучит испуганно. — Роман, он меня не узнает.

Роман подходит ближе, и я вижу, как напряжены его плечи. Он смотрит на кота, и в его взгляде та же растерянность, что и у меня. Только он не знает Цербера так, как знаю я. Он не видел его спокойным, мурлыкающим, довольным. Он застал только эту лысую фурию, которая с первого дня объявила ему войну.

— Это не нормально, — говорю я, чувствуя, как голос на-

чинает дрожать. — Совсем не нормально. Я такого никогда не видела. Он... он болен. Наверное. Или отравился. Или...

Я замолкаю, потому что вариантов слишком много и все они плохие.

— Нужно вызывать врача, — говорю я твердо, хотя внутри все трясется. — Ветеринара. На дом срочно.

Роман смотрит на меня так, будто я предложила вызвать экзорциста.

— В смысле врача? — переспрашивает он. — Коту? На дом?

— Да, а что такого? — я достаю телефон.

Пальцы прыгают по экрану, набирая номер круглосуточной ветклиники, которую я когда-то сохранила на всякий случай. Пока идут гудки, я смотрю на Цербера, который наконец-то выдохся и теперь сидит посреди комнаты, тяжело дыша и трясая головой. Выглядит он ужасно: глаза мутные, нос мокрый, кожа горячая.

— Алло, — говорю я в трубку, когда на том конце отвечают. — Хочу вызвать доктора к коту. Да. Срочно. Странное поведение, бегает по кругу, чихает, не реагирует на привычные вещи. Адрес...

Я диктую адрес, обещаю двойную оплату, слышу в ответ «ждите, выезжаем» и отключаюсь.

— Приедет через полчаса, — говорю я, убирая телефон в карман джинсов. — Сказал, чтобы мы пока ничего не давали без назначения

Роман кивает и садится на диван. Прямо рядом с котом, который даже не дергается, только вздрагивает всем телом и снова трясет головой.

Я сажусь в кресло напротив, и мы оказываемся в одной комнате, разделенные только кофейным столиком и большим животным. Тишина висит в воздухе густая и тяжелая, и я чувствую, как в ней плавают все невысказанные слова, вся злость и обида, все эти проклятые триста тысяч, которые теперь стоят между нами.

Роман молчит, я молчу. Цербер чихает.

И в этой тишине я вдруг начинаю слышать, как громко стучит мое сердце. Или его? Или это просто часы на стене?

Врач приезжает через двадцать минут — невысокий мужчина лет пятидесяти с усталыми глазами и чемоданчиком, который выглядит так, будто видел всякое. Он здоровается коротко, скидывает куртку прямо на тумбу в прихожей, окидывает нас с Романом цепким взглядом и проходит в гостиную.

Цербер сидит на том же месте, свернувшись в клубок, и только мелко дрожит, изредка вздрагивая всем телом.

— Кто тут у нас... страдалец? — врач наклоняется к коту и протягивает руку, чтобы погладить.

Цербер поднимает голову, смотрит на него мутными глазами и чихает прямо ему в лицо.

Я замираю, ожидая реакции, но врач только вытирается рукавом и кивает с таким видом, будто это входило в стан-

дартную процедуру осмотра.

— Понятно, — говорит он, доставая стетоскоп. — Сфинкс. Классика.

Роман, стоящий рядом, напрягается так, что я физически чувствую это затылком.

— Что значит классика? — спрашивает он, и в его голосе снова появляются те самые командирские нотки, от которых у меня внутри все переворачивается.

Врач поднимает на него глаза, потом переводит взгляд на меня, потом снова на Романа, и в этом взгляде читается что-то очень близкое к усталой родительской укоризне.

— Классика значит, что эта порода очень чувствительна к перепадам температуры и сквознякам, — поясняет он, продолжая осматривать Цербера. — У них нет шерсти, понимаете? Им нужно тепло. Постоянное, ровное тепло. А судя по тому, что я вижу...

Он не договаривает, но и так понятно. Цербер простудился. Лысый кот в квартире с умным климат-контролем, в свитере с оленем, умудрился простудиться.

— Это простуда, — подтверждает врач, убирая стетоскоп. — Ничего страшного, но запускать нельзя. Нужно тепло, покой и, конечно, противовоспалительные.

— Тепло, — повторяет Роман таким тоном, будто это слово ему незнакомо. — Валенки, что ли, на него надевать?

Врач выпрямляется, и теперь в его взгляде к усталости добавляется что-то еще. Кажется, жалость. Жалость к людям,

которые заводят животных, не понимая, что с ними делать.

— Зря иронизируете, уважаемый, — говорит он спокойно, но с таким подтекстом, что у меня мурашки бегут по коже. — Прежде чем заводить животное, нужно разобраться, как за ним ухаживать. Сфинксы — не дворняжки, им нужны особые условия.

Роман открывает рот, чтобы возразить, но я перебиваю его, чувствуя, как внутри снова закипает странная смесь — раздражение на врача и желание защитить Романа от несправедливых обвинений. Хотя почему несправедливых? Кот действительно болен.

— Это не его кот, — говорю я.

Врач переводит взгляд на меня.

— Значит, ваш? — уточняет он.

Я открываю рот и закрываю. Потому что кот не мой. Кот Марка. А Марк сейчас в Якутии, и вообще непонятно, кто тут за что отвечает.

— И не мой, — признаюсь я. — Мы просто... присматриваем.

Врач смотрит на нас обоих, и в его взгляде мелькает что-то, чему я не могу подобрать названия. То ли понимание, то ли насмешка, то ли просто профессиональная привычка не удивляться.

— Кот ничей... свой собственный, видимо — протягивает он задумчиво. — Но на Матроскина не похож... Этот из породы «мне должны все, но я никому».

Врач заканчивает осмотр и выпрямляется, потирая поясницу. Цербер сидит на диване, тяжело дышит и трясет головой, но уже не мечется — видимо, силы совсем на исходе.

— Значит, так, — говорит врач, раскладывая на журнальном столике упаковки. — Острый ринит, на фоне переохлаждения. У сфинксов это частая история. Сейчас я сделаю один укол, чтобы снять отек и облегчить дыхание. Дальше схема на три дня, два раза в день, утром и вечером. Один подкожно, второй внутримышечно.

Он достает шприц, ловко набирает лекарство из ампулы. Цербер косится на него, но даже не дергается — только смотрит мутными глазами куда-то в стену.

— А теперь смотрите, — врач подходит к коту, берет его за холку быстрым, уверенным движением. — Подкожный делается вот так, в складку. Главное, резко, чтобы он не успел испугаться.

Укол, и Цербер даже не понимает, что произошло. Только через секунду дергается, оглядывается на место укола и издает возмущенное «мяв», больше похожее на скрип несмазанной двери.

Врач собирает чемоданчик, оставляет на столике аккуратный ряд упаковок и шприцев, кладет сверху листок с расписанием.

— Значит, схема три дня. Утром и вечером, строго по часам, — говорит он, глядя на нас обоих. — Я расписал все подробно. Дозировки, куда колоть, как фиксировать. — Па-

уза. — Вы будете приезжать в клинику или сами справитесь?

Я смотрю на Романа. Роман смотрит на кота. Кот смотрит в стену и демонстративно не замечает никого из нас.

— Сами, — говорит Роман. И в его голосе нет ни грамма сомнения.

У меня челюсть едет вниз. Сам? Он — сам? Этот человек, который боится кота, который не знает, как надеть на него свитер, который вчера проиграл войну с пылесосом, сейчас говорит, что будет сам делать уколы?

Врач переводит взгляд с каменного лица Романа на мое, полное ужаса, и в его глазах мелькает что-то очень похожее на усмешку.

— Ну-ну, — только и говорит он. — Тогда удачи. Если что, звоните, клиника круглосуточная.

Он уходит, и дверь за ним закрывается.

Мы остаемся вдвоем с Романом и котом. Цербер сидит в углу дивана, свернувшись калачиком в своем свитере, и дышит уже ровно, но все еще обиженно.

Я подхожу к полке в прихожей, где висит кошачий гардероб. Достаю теплый мягкий, синий флисовый комбинезон с капюшоном, который Марк купил в прошлом году и ни разу не надевал. Возвращаюсь в гостиную, беру Цербера на руки, он даже не сопротивляется, только смотрит устало, — и быстро натягиваю комбинезон поверх свитера.

— Так теплее будет, — говорю я, ставя его обратно на диван. — И не снимай, пожалуйста. Я серьезно.

Кот смотрит на меня с выражением «ты следующая», но послушно сворачивается клубком.

Я выпрямляюсь, смотрю на часы. Без пяти три.

— Утром зайду на пять минут, — говорю я, глядя на Романа. Он стоит у окна, и в полумраке его лицо кажется высеченным из камня. — Сделаем первый укол по расписанию. А вы пока... погуглите, что ли...

Он не реагирует.

Я выхожу в коридор, обуваюсь, уже берусь за ручку двери, но на секунду замираю.

— И да. Я ничего не забыла. Ни клуб. Ни деньги.

Я ухожу и закрываю дверь.

Глава 10. Людмила

Восемь утра, и я уже жалею, что умею держать слово.

Влетаю в его квартиру с кофе в одной руке, рюкзаком в другой и диким опозданием в училище в перспективе. Волосы ещё мокрые после душа, глаза слипаются, в голове каша, а впереди страшная процедура издевательства над бедным котом. Подумать только, такая большая иголка в такое маленькое тельце.

Роман встречает меня в гостиной. И я замираю от удивленного.

Он стоит у журнального столика, на котором разложены шприцы, ампулы, вата, антисептик — всё стерильно, всё по линеечке, будто он готовится не коту укол делать, а проводить полевую операцию в условиях военных действий. рубашка с закатанными рукавами, руки вымыты, лицо сосредоточенное, спокойное. Ни тени сомнения и ни капли страха.

Я смотрю на него и чувствую себя полной дурой. Я тут такая вся растрёпанная, невыспавшаяся, с кофе навынос. И он, как хирург перед сложнейшей операцией.

— Доброе утро, — говорит он, даже не поднимая глаз от шприца, который уже набирает. Движения чёткие, уверенные, без лишней суеты. — Кот готов?

Я перевожу взгляд на диван. Цербер сидит в углу, находясь

лившись, в своём флисовом комбинезоне, и смотрит на нас с выражением «только подойдите».

— А он готов? — пищу я, чувствуя, как кофе в руке начинает предательски дрожать.

— Неважно, — Роман поднимает на меня глаза. В них ледяное спокойствие и сталь. — Подержи его.

— Что?

— Подержи кота, — повторяет он так, будто просит соль за ужином.

Я ставлю кофе на тумбу, скидываю рюкзак на пол и подхожу к дивану. Цербер провожает меня взглядом, полным ледяного презрения.

— Малыш, — шепчу я, протягивая руки. — Мы тебе поможем. Только не кусайся, ладно? И не царапайся. И не ори. И вообще, сделай вид, что ты плюшевый.

Он не делает вид.

Я беру его на руки, и в ту же секунду начинается ад. Цербер взрывается — он выгибается, орёт дурниной, бьёт задними лапами, пытаюсь вырваться. Я сжимаю его изо всех сил, но он скользкий в этом комбинезоне, вертлявый, сильный, как тысяча чертей.

— Держи, — командует Роман, приближаясь со шприцем.

— Я держу! — выкрикиваю я, перекрикивая кота. — Держу, я...

Цербер делает резкое движение, выскальзывает из моих рук и пулей летит на пол. Он проносится по гостиной, залета-

ет на журнальный столик, сшибает ампулы, которые со звоном разлетаются по паркету, отскакивает от стены и несётся обратно.

Я стою посреди комнаты и смотрю на этот цирк. Роман — тоже. Шприц в его руке блестит в утреннем свете.

— Я не могу, — выдыхаю я. В голосе уже истерика. — Я не могу, я не умею, я боюсь иголок, я боюсь его лица, он меня ненавидит!

— Тихе, — Роман даже не повышает голос. — Соберись.

Цербер тем временем совершает очередной круг почёта, врезается в ножку дивана и на секунду замирает, чтобы перевести дух. Я пользуюсь моментом, делаю шаг к нему и вдруг чувствую острую боль в руке.

— Ай!

Царапина. Глубокая, красная, от запястья до локтя. Кот отскочил, а я стою и смотрю, как на руке выступает кровь.

— Обнаружено повреждение кожных покровов у объекта «Мила», — немедленно отзывается Алиса. — Кровотечение средней интенсивности. Рекомендуются немедленно обработать рану антисептиком и наложить повязку. Вызвать скорую помощь?

— Алиса, нет! — рявкает Роман, не отрывая взгляда от кота.

— Но протокол безопасности предписывает при любых повреждениях, сопровождающихся кровотечением...

— Алиса, замолчи, пожалуйста, — цежу я сквозь зубы, за-

жимая царапину ладонью. Кровь тёплая и липкая, и от этого зрелища меня слегка подташнивает. — Я в порядке. Это просто царапина.

— Фиксирую: объект «Мила» отрицает необходимость медицинской помощи, — констатирует Алиса тоном оскорблённой медсестры. — Напоминаю: кошачьи царапины — это воспаление, слёзы и различные инфекции. Обработайте рану.

— О господи, — выдыхаю я, чувствуя, как к тошноте добавляется головная боль.

— Он меня поцарапал, — говорю я обиженно, почти по-детски. — Я не буду его мучить. Он меня ненавидит. Всё, дальше без меня.

Роман смотрит на мою руку, потом на кота, который забился в угол и оттуда сверлит нас взглядом.

— Хорошо, — говорит он спокойно. — Тогда так: я держу, а ты колешь.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

— ЯЯЯ? — мой голос срывается на визг. — Ты серьёзно? Я?! У меня руки дрожат! Я сейчас сама себе укол сделаю! Я иголок с детства боюсь! Мне бабушка всегда говорила: «Мила, ты в медики ни ногой, ты даже градусника боишься!» А тут шприц! В кота! Который меня ненавидит!

— Другого выхода нет, — Роман уже протягивает мне шприц. — Держи. Просто воткни, когда я его зафиксирую.

Я смотрю на шприц, и делаю шаг назад, как будто он сейчас укусит. Пальцы трясутся. Внутри всё холодеет.

— Я не могу, — шепчу я. — Честное слово, не могу.

Роман вздыхает. Смотрит на меня, на кота, на царапину на моей руке, на разбросанные ампулы, на разгромленную гостиную. И в его глазах мелькает что-то очень человеческое — усталость пополам с пониманием, что надеяться не на кого.

— Ладно, — говорит он. — Иди к двери. На всякий случай.

— Что?

— Иди к двери, — повторяет он.

Я не понимаю, но послушно отступаю к выходу.

Роман поворачивается к коту. И тут начинается магия.

Он двигается быстро, но без суеты. Одно движение, и Цербер уже у него в руках. Кот орёт, вырывается, бьёт лапами, но Роман держит. Холка зафиксирована, тело прижато, доступа к зубам и когтям нет. Второй рукой он берёт шприц — и укол.

Один миг.

Цербер замирает. Издаёт короткий, удивлённый звук. И вдруг...

Он обмякает.

Прямо на руках у Романа. Голова падает, тело становится ватным, глаза закрываются.

Я стою у двери и не могу пошевелиться.

— Ты... — шепчу я. — Ты его...

Кот не двигается. Вообще. Он висит на руках у Романа, как тряпичная кукла, из которой вынули всё содержимое.

— Ты его убил! — вырывается у меня диким воплем. — Роман, ты его убил!

Глава 1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.